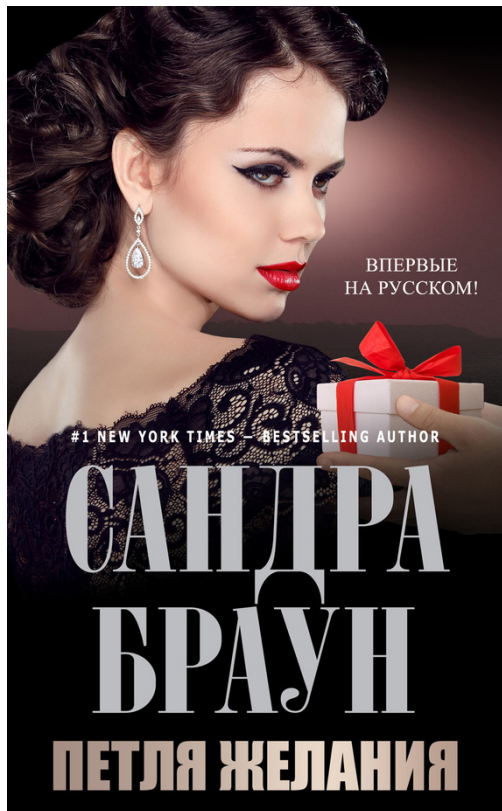

Сандра Браун Петля желания

*текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6673696
Сандра Браун. Петля желания: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-69936-0*

Аннотация

Беллами Листон была ребенком, когда ее старшую сестру Сьюзен убили во время пикника. Спустя восемнадцать лет Беллами пишет роман о том страшном дне. Вскоре она начинает получать грозные анонимные послания... Надеясь разоблачить недоброжелателя, писательница встречается с Дентом Картером, летчиком, в прошлом – первым подозреваемым по делу Сьюзен. Они начинают собственное расследование. Им открывается столько неожиданных деталей, что Беллами перестает доверять даже собственной семье. Но можно ли верить Денту? Кажется, он искренне пытается помочь. Что это – проявление любви или холодный расчет? Беллами ни за что нельзя терять бдительность!

Содержание

Пролог	4
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	48
Глава 7	58
Глава 8	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Сандра Браун

Петля желания

Посвящается

Мэри Линн и Лену Бакстерам с неизменной благодарностью за веру в меня, за крепкую дружбу и вашу искреннюю любовь.

А.К.А.

Пролог

Крыса оказалась дохлой, однако не менее омерзительной, чем если бы она была жива.

Прижав руки к губам, чтобы сдержать крик, Беллами Прайс в ужасе попятилась прочь от коробки в блестящей подарочной обертке, с которой она только что сняла атласную ленту. Крыса лежала на подложке из серебряной бумаги. Вокруг жирной тушки кольцом изогнулся лысый розовый хвост.

Сделав несколько шагов, Беллами уперлась спиной в стену и медленно сползла на пол. Сжавшись в комок, она убрала ладони ото рта и закрыла ими глаза, чувствуя, как ледяной ужас сжимает ей горло. Она разрыдалась от отчаяния.

Кто же сыграл с ней такую гнусную шутку? *Кто?* И главное, *зачем?*

События дня начали прокручиваться в ее голове, словно в режиме ускоренной перемотки.

– Вы были неотразимы!

– Спасибо, – поблагодарила Беллами, пытаясь не отставать от дамы, специалиста по рекламе в ее издательстве. Энергия была в ней ключом, как будто съеденные ею на завтрак мюсли были щедро сдобрены стимуляторами.

– Это шоу – номер один в данном временном интервале телеэфира. – Ее трескучая речь звучала в унисон с цокотом высоких каблучков. – Я бы даже сказала, что оно вне конкуренции. Речь идет о многомиллионной зрительской аудитории. Вас только что видела едва ли не вся страна.

То есть случилось именно то, чего Беллами всеми силами стремилась избежать. Впрочем, говорить этого вслух она не стала. Причем уже не в первый раз. Ни эта дама из отдела рекламы, ни литературный агент Декстер Грей не понимали ее желания направить внимание публики на созданный ею бестселлер, а не на ее скромную персону.

Крепко держа Беллами за локоть, Декстер провел ее в фойе небоскреба в деловой части Манхэттена.

– Ты была неподражаема. Безупречна, как всегда, но очень душевна. Человечна. Одно только это интервью, и продана как минимум еще тысяча экземпляров «Петли желания», ради чего, собственно, все и затевалось.

Декстер подвел Беллами к выходу, где облаченный в ливрею швейцар тотчас же почтительно взял под козырек форменной фуражки.

– Мисс Прайс, я несколько ночей не спал, читая вашу книгу.

У Беллами не нашлось даже секунды на слова благодарности: Декстер довольно бесцеремонно подтолкнул ее к вращающейся двери, которая, в свою очередь, вытолкнула ее на площадь. Из толпы зевак перед входом донесся чей-то возглас. Толпа перед телестудией собралась вполне приличная: нашлось немало желающих поглазеть на героиню дня, у которой журналисты утром брали интервью.

Дама из рекламного отдела возликовала:

– Декстер, помоги Беллами пообщаться с поклонниками. Я сейчас приведу сюда фотографа. Можно будет вставить в передачу сюжет о ее общении с читателями.

Уловив нежелание клиентки общаться с публикой, Декстер приподнялся на цыпочки и заговорил Беллами прямо в ухо, пытаясь перекричать уличный шум:

– Тебе это не повредит. Лови момент и подпиши несколько книг. Большинство авторов за всю свою профессиональную жизнь...

– ...не устаиваются подобного внимания со стороны прессы, – закончила за него фразу Беллами. – Тысячи писателей отдали бы за это свою правую руку. Ты мне об этом уже говорил. Причем не один раз.

– Повторение – мать учения, – назидательно произнес Декстер и, потрепав Беллами по руке, развернул лицом к толпе, так и норовившей взять ее в плотное кольцо и подойти поближе к писательнице. – Улыбайся, – добавил он. – Восторженная публика ждет встречи со своей любимицей.

Читатели, мгновенно ставшие поклонниками, тянули для рукопожатия руки и пытались заполучить автографы на экземплярах книги, которые предусмотрительно захватили с собой. Стараясь вести себя как можно любезнее, Беллами благодарила их и, когда ее фотографировали на мобильные телефоны, неизменно улыбалась.

Она пожимала руку очередному поклоннику, когда ее глаза выхватили из толпы Рокки ван Дарбина. Стоя чуть поодаль, журналист скандального таблоида «АйСпай» сиял победоносной улыбкой и что-то объяснял сопровождавшему его фотографу.

Именно ван Дарбин первым узнал, а затем раструбил на весь мир тот факт, что писатель Т. Дж. Дэвид, чья первая книга вызвала фурор в литературных кругах и в Голливуде, на самом деле Беллами Прайс, симпатичная женщина лет тридцати.

«Почему уроженка Техаса, голубоглазая, длинноногая и чувственная (разве мы не любим таких?), предпочла скрыться за безобидным псевдонимом, это репортеру неизвестно. Но, несмотря на все ухищрения автора, «Петля желания» взлетела на верхние строчки книжных хит-парадов, и теперь мисс Прайс вышла из тени и сама превратилась в сенсацию. Распровавшись с привычными ковбойскими шляпами и шпорами на сапогах, она покинула родной штат Одиноким Звездой и теперь обитает в роскошном пентхаусе, из окон которого открывается вид на Центральный парк и Верхний Вест-Сайд, и с удовольствием купается в лучах неожиданной славы».

Большая часть написанного была наглой ложью с редкими вкраплениями правды, что, однако, не позволяло назвать эту писанину клеветой. У Беллами действительно голубые глаза, но она среднего роста, и ее никак нельзя назвать высокой. Определение «чувственная» также не соответствовало истине.

Да, у нее имелась ковбойская шляпа, но она вот уже много лет не надевала ее. Шпор на сапожках она тем более никогда не носила и не знала никого, кто бы с ними щеголял. Она не покидала свой родной штат в том смысле, который подразумевал ван Дарбин, но действительно несколько лет назад переехала в Нью-Йорк, задолго до выхода в свет своей первой книги. Она действительно поселилась в Верхнем Вест-Сайде напротив Центрального парка, но отнюдь не в пентхаусе.

Однако самой наглой ложью было утверждение ван Дарбина о том, что она-де купается в лучах славы, потому что слава для Беллами представлялась в большей степени обузой, нежели поводом для гордости и самолюбования. Это ощущение усилилось, когда назойливый журналист написал продолжение, статейку для первой полосы газеты, в которой содержалось еще одно малоприятное откровение.

Хотя маркетологи представили «Петлю желания» как роман, на самом деле книга была беллетризированным изложением реальной истории. Ее реальной истории. Трагической реальной историей ее семьи.

Со скоростью космической ракеты это разоблачение катапультировало Беллами в другое измерение. Она возненавидела собственную популярность. «Петлю желания» она написала не для того, чтобы разбогатеть и прославиться. Работа над книгой стала для нее своего рода терапией.

Нет, конечно, она надеялась, что ееopus будет опубликован, прочитан и признан читателями и критиками. Тем не менее, чтобы избежать шумихи, в центре которой оказалась сейчас, книгу она издала под псевдонимом – назвавшись не то мужским именем, не то женским. Иными словами, пол автора был неясен.

Книгу ожидали еще до того, как та поступила в продажу. Будучи твердо уверенными, что из нее получится бестселлер, издательство не поскупилось на рекламу – в гляцевых журналах, в газетах, в Интернете. За несколько месяцев до выхода «Петли желания» в свет о книге уже шумно спорили в социальных сетях. Каждый обзор вызывал оживленные дискуссии. Беллами, вернее загадочного писателя по имени Т. Дж. Дэвид, сравнивали с лучшими авторами детективных романов. Скрытая за надежным, как ей казалось, псевдонимом, Беллами радовалась успеху своего детища.

Но когда Рокки ван Дарбин выпустил, образно выражаясь, джинна из бутылки, загнать его обратно оказалось, увы, невозможно. В свою очередь, внутренний голос подсказывал Беллами, что и издатель, и ее литагент Декстер и все, кто получил доход с продаж, только радовались, что предыстория создания «Петли желания» стала всеобщим достоянием.

Теперь у них имелась не только книга, которую предстояло продвигать на рынке, но и она, ее автор, была просто обречена стать «мечтой рекламных агентов».

Чего только не писали о Беллами! Мол, она привлекательна и образованна. У нее правильная, грамотная речь. Уже не настолько юна, чтобы возгордиться неожиданно свалившейся на нее славой, но и не настолько стара, чтобы быть занудой. Наследница внушительного состояния, ставшая популярным писателем. У Беллами, так сказать, имелось немало козырей, способных привлечь к ней внимание окружающих, и главный из них – то, что она выбрала себе псевдоним. Вопреки ее ожиданиям, попытка спрятаться за ним сделала из нее женщину-загадку. Рокки ван Дарбин упивался безумием осаждавшей ее прессы, чему сам в немалой степени способствовал. И, как будто этого было мало, ежедневно продолжал подпитывать любопытство читателей новым набором пикантных подробностей – как правило, ложных, или сомнительных, или многократно преувеличенных.

Пока Беллами продолжала подписывать книги и позировала с желающими сфотографироваться, она безуспешно делала вид, будто не замечает ван Дарбина. Однако тот уже ловко орудуя локтями, бесцеремонно прокладывал себе дорогу в толпе. Заметив его приближение, Декстер осторожно шепнул ей на ухо:

– Не поддавайся на провокации! За тобой наблюдает масса людей. Ему только и надо, чтобы ты сказала что-то такое, что он потом переиначит и истолкует на свой лад в нужном ему ключе.

Вскоре журналист уже стоял перед ней лицом к лицу, и его было невозможно игнорировать. Он ухмыльнулся, показав неровные желтоватые зубы. Беллами почему-то представила себе, как он подпиливает их, чтобы быть похожим на плотоядного хищника.

Нагло оглядев ее с головы до ног, ван Дарбин спросил:

– Вы сбросили вес, мисс Прайс? За последнее время вы заметно похудели.

Всего несколько недель назад эта гиена пера называла ее чувственной, а завтра, того гляди, напишет, что она страдает анорексией.

Оставив без внимания коварный вопрос, Беллами вступила в разговор с женщиной в толстовке с эмблемой университета Огайо. При этом голову поклонницы венчала корона статуи Свободы из зеленой пенорезины.

– В моем книжном клубе сейчас все зачитываются вашим романом, – сообщила поклонница, позируя вместе с Беллами. Фотографировал ее муж.

– Рада это слышать. Спасибо вам за добрые слова.

– Они ни за что не поверят, что я познакомилась с вами!

Беллами еще раз вежливо поблагодарила ее и двинулась дальше. Ван Дарбин как ни в чем не бывало принялся что-то энергично строчить в блокноте. В следующий миг он изловчился и, шагнув между Беллами и следующим читателем, жаждавшим ее внимания, спросил:

– Кого вы видите в главных ролях будущего фильма, мисс Прайс?

– Никого. Я не имею отношения к киноиндустрии.

– Но ведь вам когда-нибудь придется этим заняться. Не секрет, что продюсеры выстроились в очередь, желая озолотить вас, если вы уступите им право на экранизацию «Петли желания». Ходят слухи, что несколько актеров и актрис первого эшелона уже добиваются ролей в будущем фильме по вашей книге. Желающих сделать это через постель еще больше.

Беллами смерила его полным отвращения взглядом и промолчала.

– У вас нет никакого мнения на этот счет?

– *Никакого*, – холодно ответила она, надеясь тем самым отбить у неприятного собеседника охоту задавать новые вопросы.

Неожиданно между двумя молодыми женщинами вклинился какой-то мужчина и сунул ей в руки книгу. Беллами мгновенно его узнала.

– Еще раз здравствуйте. Э-э-э...

– Джерри, – подсказал мужчина и широко улыбнулся.

– Да, верно, Джерри.

Приятное открытое лицо, редкие волосы. Он уже несколько раз подходил к ней с книгами и просил их подписать. Беллами выделила его среди прочей публики еще в прошлый раз, когда выступала на встрече с читателями в книжном магазине университетского кампуса.

– Спасибо, что пришли сегодня утром.

– Грешно было бы упустить возможность встретиться с вами.

Беллами подписала книгу, которую Джерри протянул ей раскрытой – для ее же удобства.

– Сколько же экземпляров вы купили, Джерри?

– Я закупил их в качестве подарков на дни рождения и на Рождество, – улыбнулся читатель.

Беллами заподозрила, что у него пунтик по поводу ее книжки.

– В таком случае благодарю вас от себя лично и от имени моего издателя.

Она двинулась дальше. Ван Дарбин продолжал расталкивать людей, стараясь не отставать, и при первой же возможности влез с очередным вопросом о будущей экранизации:

– Мисс Прайс, хотя бы наметьте читателям, кто будет исполнять роли главных героев. Кому бы вы доверили сыграть членов вашей семьи? – Ван Дарбин подмигнул и, подавшись вперед, доверительно понизив голос, спросил: – Кто, по-вашему, мог бы сыграть убийцу?

Беллами ответила ему колючим взглядом.

Репортер усмехнулся и повернулся к фотографу:

– Надеюсь, ты успел это заснять?

Оставшаяся часть прошла не менее хаотично и бестолково.

Вместе с Декстером Беллами посетила издательство, где обсудила срок выхода в свет издания в обложке. В конце концов после долгих споров решили, что, поскольку книга в переплете и в электронном формате продается хорошо, в течение ближайших шести месяцев дешевый альтернативный вариант издавать не стоит.

Сразу после совещания они отправились в гостиницу, где был запланирован ленч с кинопродюсером. Как только салат с лобстером и холодной спаржей был съеден, продюсер честно изложил свои финансовые соображения относительно фильма, который хотел бы снять, пообещав, что, если ему продадут права на экранизацию, он воздаст книге должное.

– Как ты думаешь, твоему другу ван Дарбину захотелось бы узнать об этой встрече? – пошутил Декстер, когда они наконец расстались с ним.

– Никакой он мне не друг, не говори чушь. Личность того, кто скрывается под псевдонимом Т. Дж. Дэвид, должна была оставаться тайной, которую предполагалось хранить как зеницу ока. Кого, по-твоему, ван Дарбин мог подкупить, чтобы узнать мое настоящее имя?

– Да кого угодно! Стажера издательства. Работников правового отдела. Одним словом, любого.

– Кого-то из твоего агентства?

Декстер потрепал ее по руке – мол, не бери в голову.

– Мы никогда этого не узнаем. Да и какое это имеет значение?

Беллами печально вздохнула.

– Никакого, – согласилась она. – Ничего не поделаешь. Ущерб уже нанесен.

– Ущерб – это твоя точка зрения, – улыбнулся Декстер.

После этого довез ее до дома и на прощание предупредил:

– Завтра тоже будет сумасшедший день. Хорошенько выспись сегодня. В семь утра я за тобой заеду.

Она помахала ему рукой, пообещав не проспать, и вошла в вестибюль.

– На ваше имя только что доставили посылку, – сообщил консьерж.

Посылка выглядела вполне невинно, и Беллами положила ее на обеденный стол вместе со стопкой писем. Коробка оказалась запечатанной прозрачной клейкой лентой. Беллами отметила, что ее адрес и имя были указаны точно, а вот сведения об отправителе отсутствовали. Это показалось странным, однако не вызвало особых подозрений. Сорвав ленту, она развернула упаковочную бумагу и вытащила подарочную коробку.

Беллами никак не ожидала увидеть то, что оказалось внутри. Сидя на полу и прижимаясь спиной к стене, она убрала руки от глаз и снова заглянула в коробку. Упаковочная бумага, яркая лента – все это настолько не вязалось с омерзительным содержимым, что возникало ощущение, будто это чья-то злая шутка.

Шутка? Нет. Так не шутят. Это точно чей-то злой умысел.

Интересно, кого она могла так оскорбить, что этот кто-то пожелал отомстить ей таким жестоким образом? Неужели это подлый Рокки ван Дарбин послал ей в подарочной коробкедохлую крысу?

Опираясь спиной о стену, Беллами медленно выпрямилась – от испуга ее ноги стали ватными – и робко покосилась на коробку. Вон она, крыса, лежит на блестящей серебристой бумаге. В надежде избавиться от страха Беллами еще раз посмотрела на его причину и мысленно попыталась придать дохлomu грызуну комичные мультяшные черты. Увы, образ получился столь гротескным, что ее передернуло от омерзения. По спине побежали мурашки.

Судорожно сглотнув подкатившуюся к горлу желчь, Беллами усилием воли заставила себя сделать глубокий вдох и успокоиться. Это всего лишь дохлый грызун, и только. Крысы – привычное зрелище на станциях метро. Она не раз видела на рельсах подземки их раздавленные тушки, и они не вызывали у нее такого омерзения, как эта. Сейчас она закроет крышку и отнесет коробку в мусоропровод. После этого она выбросит эту дурацкую шутку

из головы и займется своими делами, чем лишит шутников их сомнительного удовольствия. Пусть даже не надеются!

Собравшись с духом, Беллами сделала шаг, второй, третий... Вскоре она уже стояла прямо перед коробкой.

В следующее мгновение крысиный хвост слегка пошевелился.

Глава 1

– Ну что? – с раздражением ответил Дент в телефонную трубку.

– Ты все еще без работы?

– Который час?

– Судя по твоему голосу, ты пьян.

– Я что, обязан быть трезвым?

– Вообще-то да, если хочешь получить работу.

– Сегодня?

– Как только приедешь сюда.

– Я опасался, что именно так ты и скажешь. Стоит эта игра свеч?

– С каких это пор ты позволяешь себе отказываться от полетов?

– Ну хорошо, хорошо. Сколько?

– Две тысячи. Туда и обратно.

– Куда?

– В Хьюстон.

– Ночевать там придется?

– Нет. Ночевать будешь дома.

Дент поднялся и поставил ноги на пол, проверяя степень собственной трезвости. Вроде ничего, хотя голова гудела. Он задумчиво пригладил пятерней волосы и вытер со лба пот.

– Две тысячи пятьсот плюс расходы на топливо.

– Пассажир болен. Его нужно отвезти на сеанс химиотерапии.

– Две пятьсот плюс расходы на топливо.

Из трубки донеслось невнятное бормотание о том, что-де человеческая алчность не знает границ, затем более отчетливые слова:

– Ладно. Договорились.

– Какая сейчас погода?

– Жарко, влажно. Как всегда в Техасе в мае.

– Осадки?

– Поздно вечером возможен редкий дождь с грозой. Ничего особенного. Ничего опасного. – После секундного колебания невидимый собеседник добавил: – Ты уверен, что сможешь полететь?

– Заправляй баки, – сказал Дент, вставая с кровати.

При этом он босыми ногами зацепился за электрический провод настольной лампы и свалил ее с прикроватного столика. Пнув ногой несчастную лампу и ворох одежды, валявшейся у него на пути, он проковылял в ванную. Щелчок выключателем, и в глаза ему ударил слепящий свет. Дент выругался.

Он на ощупь побрился в душевой, наклонившись над раковиной, почистил зубы и решил не сушить волосы феном. Уж лучше терпеть неудобства, связанные с процедурой приведения внешности в божеский вид по причине неожиданно свалившегося заказа, чем разглядывать самого себя в зеркале.

Вернувшись в спальню, Дент оделся в летнюю форму: джинсы, белая рубашка, черный галстук с ослабленным узлом. Верхнюю пуговицу воротника он оставил расстегнутой. Сунул ноги в туфли и схватил с комода бумажник, ключи и летные очки. В дверях он остановился, чтобы посмотреть на обнаженную женщину, которая безмятежно спала в его постели.

Имени ее он не запомнил. Мелькнула мысль – может, оставить ей записку, попросить, чтобы, уходя, закрыла дверь? Обведя жилище взглядом налитых кровью глаз, Дент подумал: «А смысл? Здесь даже вору нечем поживиться».

Утренний час пик закончился, поэтому поток уличного движения был относительно слабым. Из прежней жизни Денту остался красный «Корвет» с модернизированным двигателем в пятьсот тридцать лошадиных сил с шестиступенчатой трансмиссией, трубчатыми выпускными коллекторами и титановой выхлопной трубой «Корса».

Всякий раз, когда у него возникало срочное дело вроде этого, он разгонял машину до ста двадцати километров в час. Вот и сейчас на всех парах Дент покатил в направлении северной окраины Остина, к частному аэродрому.

Ему ничто не мешало держать свой самолет в более приличном месте, где имелась диспетчерская вышка и прочее, однако он считал, что старая дружба превыше всего. К тому же это место его устраивало.

Самолет стоял на бетонированной площадке перед ржавым металлическим ангаром. Крылатая машина явно знавала лучшие дни. А эти самые лучшие дни имели место лет этак двадцать назад, когда Дент только начал летать.

Снаружи ангар густо зарос бурьяном. Выцветший оранжевый ветроуказатель – это первое, на что Дент обратил здесь внимание много лет назад. Похоже, его прикрепили к шесту вскоре после окончания Второй мировой войны.

Сейчас позади ангара был припаркован черный блестящий внедорожник «Эскалейд» с затемненными стеклами, что совершенно не вязалось ни с допотопным ангаром, ни с разбитым пикапом Голла.

Дент въехал на «Корвете» в ангар, проскрежетав тормозами, остановился, выключил мотор и выбрался наружу. Голл сидел в конторке за заваленными бумагами столом возле единственной стеклянной стены, сквозь которую просвечивались внутренности ангара. Три других стены были сооружены из листов голого, покрытого лишь слоем шпатлевки, гипсокартона. Сама конторка представляла собой крошечную и жутко захламленную конуру.

К стенам кнопками были приколоты карты, схемы, пожелтевшие от времени вырезки из газет и журналов. На всех свободных поверхностях стопками лежали старые летные журналы с покоробленными обложками. На изъеденном ржавчиной и изрядно помятом сейфе стояло чучело енота. Стеклообразные глаза зверя перетягивали нити паутины, мех местами полностью вытерся.

Висевший над чучелом календарь был датирован 1978 годом и открыт на странице с красоткой «Мисс Март», на которой не было ничего, кроме соблазнительной улыбки, а стратегически важное место прикрывало изображение бабочки.

Стоило Денту переступить порог, как Голл встал – руки в боки и, смерив Дента пристальным взглядом с головы до ног, пренебрежительно хмыкнул. Затем перекатил незажженную сигару из одного уголка рта в другой.

– Ты похож на кусок дерьма, которого здорово отходили молотком.

– Взял мои деньги?

– Угу.

– Тогда избавь меня от оскорблений и давай займемся делом.

– Не так быстро, мистер Воздушный Ас. Я в этом полете посредник и беру на себя безопасность трех пассажиров.

– Можно подумать, я не умею управлять самолетом.

Резкий тон, с каким Дент произнес эту фразу, оставил Голла Хэтэуэя равнодушным. Он был единственным на земле, к кому Дент прислушивался, потому что мнение Голла того стоило. Старик косо посмотрел на него, и Дент дал задний ход:

– Ладно тебе, Голл. Разве бы я собрался в полет, будь не в состоянии держать штурвал?
Голл помедлил с ответом, затем вытащил из кармана промасленного комбинезона сложенный пополам банковский чек и передал его Денту.

– Чек?

– Все в порядке. Я уже проверил его через банк.

Дент развернул чек: тот был выписан на банк в соседнем Джорджтауне на сумму две тысячи пятьсот долларов. Похоже, действительно все в порядке. Он положил чек в бумажник.

– Я залил девяносто галлонов топлива, – сообщил Голл. – Она оплатит его, когда ты вернешься.

Дент смерил старика пристальным взглядом.

– Я доверяю ей. Она оставила в залог свою кредитную карточку. – С этими словами Голл открыл ящик металлического письменного стола. В нем валялись огрызки карандашей, гнутые канцелярские скрепки, потекшая шариковая ручка и кредитка «Америкэн Экспресс Платинум». – Она заверила меня, что на карте есть деньги. Я на всякий случай проверил. Все верно. Карточка действительна еще два года. Каким сервисным центром ты хотел бы воспользоваться? Она сказала, что оставляет это на твое усмотрение.

Дент назвал центр, который ему подходил лучше других.

– Топлива подешевле? – спросил Голл.

– Попкорна посвежее. А наземная транспортировка?

– Она попросила меня заказать лимузин, чтобы тот ждал ее при посадке. Я уже договорился.

– Это они сейчас ждут в «Эскалейде»?

– Она говорит, что в ангаре слишком жарко и душно.

– Похоже, что *она* уже тут всем руководит.

– Так и думал, что ты это скажешь. – Голл почему-то отвел взгляд. – Старикан сильно болен. Будь с ними полюбезнее.

– Я всегда любезен с пассажирами.

– Просто помни, что дареному коню в зубы не смотрят, – усмехнулся Голл.

– Что-то еще? – огрызнулся Дент.

Голл открыл было рот, чтобы его осадить, но Дент перебил старика, задав вопрос про кофе:

– Надеюсь, он горячий?

– Разве когда-то было иначе?

– Скажи им, что мне нужно двадцать минут. Затем мы взлетаем. А пока они могут заняться чем угодно. Если хотят, могут принять ванну и прочее...

– Я знаю, что мне делать, – ответил Голл и пробормотал что-то неразборчивое. Но тут же добавил уже более отчетливо: – Прежде чем они увидят тебя, закапай себе в глаза вот эту штуку. А то они у тебя все в красных прожилках. Ни дать ни взять дорожная карта.

Дент вышел из конторки в ангар и сел за стол, на котором стоял компьютер, подключенный к его любимому сайту с прогнозом погоды. Ближе к вечеру обещали грозу, однако пока небо было ясным и чистым.

Он часто летал в Хьюстон, но на всякий случай уточнил прогноз погоды на время полета и обстановку в аэропорту. В его пилотской кабине был установлен навигатор «Гармин», а на планшет закачана пилотская инструкция по каждому штату США и данные об авиационных сервисных центрах. При желании он мог всем этим воспользоваться прямо в пилотской кабине. Тем не менее для пушей безопасности Дент всегда делал бумажную распечатку, которую брал с собой: информацию, касающуюся взлета, запланированного места

приземления и запасного аэропорта. И наконец, звонил в Управление воздушных перевозок и сообщал план предстоящего полета.

Выйдя из ангара, Дент произвел предполетную проверку самолета, прекрасно зная, что Голл уже все это сделал. Пробравшись под крылья, он взял пробы керосина из пяти различных отверстий, чтобы лично убедиться, что в топливных баках не собралась вода. Эта трудоемкая процедура требовала времени, однако Дент лично знал одного парня, который как-то раз пренебрег ею. Финал был печальным – парень разбился.

Убедившись, что крылатая машина готова к полету, Дент подняв вверх большой палец, сообщая Голлу, что все в порядке. После чего вернулся в уборную. Здесь он ополоснул лицо холодной водой и проглотил три таблетки аспирина, запив их остатками кофе, который оказался не таким уж и горячим, как хвастался Голл, однако был вдвое крепче обычного. И после всего, следуя совету Голла, закапал в глаза капли, чтобы устранить красноту. Впрочем, не особенно полагаясь на медицину, он надел солнечные очки.

Когда Дент наконец вышел из ангара, три пассажира уже ожидали его на бетонированной площадке, стоя плечом к плечу.

Больного он угадал сразу. Им оказался высокого роста пожилой мужчина с землистого цвета лицом, какое обычно бывает у больных раком, проходящих курс химиотерапии.

На мужчине были летние брюки без стрелок и спортивная куртка, которые болтались на нем как на вешалке. На лысой голове – бейсболка. Тому, скорее всего, было далеко за шестьдесят.

В центре этого трио стояла привлекательная уже немолодая женщина, на вид почти ровесница своего мужа. Но в ней было что-то такое...

Дент невольно замедлил шаг и вскоре застыл как вкопанный. Затем снова посмотрел на мужчину и попытался представить себе, как тот выглядел, когда был здоров и лет на двадцать моложе. Черт побери! Да это же Говард Листон!

Ошибки быть не могло, потому что рядом с ним стояла его жена Оливия, которую Дент хорошо помнил. Она явно не жалела времени и денег на то, чтобы хорошо выглядеть даже в своем возрасте. Почти так же стройна, как и в молодости, лишь слегка располнела в талии. Волосы чуть светлее, чем раньше. Правда, кожа вокруг рта и под подбородком была уже не такой упругой, как без малого двадцать лет назад. А вот лицо сохранило прежнее высокомерное выражение.

Дент несколько секунд смотрел на них, затем оглянулся через плечо. Голл стоял в дверях своей конторки, с любопытством наблюдая за происходящим. Перехватив колючий взгляд Дента, он поспешно скрылся в рабочем кабинете и закрыл за собой дверь. Дент поклялся, что непременно скажет ему пару ласковых, но сделает это позже. Сейчас же он снова посмотрел на Листонов и подошел ближе.

– Это что, шутка? Если это так, то я не понял юмора.

Оливия повернулась к молодой женщине, стоявшей по другую сторону от мужчины.

– Я же говорила тебе, что этого лучше не делать!

Молодая женщина сделала два шага вперед.

– Это не шутка, мистер Картер. Нам нужно срочно попасть в Хьюстон.

– Между двумя городами проложена прекрасная автодорога.

– Отец плохо переносит долгие переезды на машине.

– Отец?

Его собеседница сняла большие солнечные очки, скрывавшие едва ли не треть лица.

– Я Беллами. Помните меня?

Конечно же, он помнил ее. Неужели это Беллами? Сестра Сьюзен? Раньше она походила на пугливого котенка и всегда скрывалась из вида, куда бы он ни приходил. Тощая, неуклюжая, с брекетами на зубах и прыщиками на лице. Неужели это она?

С тех пор фигура Беллами приобрела женственные округлости. Кожа лица стала чище, зубы выровнялись. Одета неброско, но дорого. Темные блестящие волосы собраны в «конский хвост», их кончики аккуратно подстрижены. Все вместе это составляло элегантный ансамбль.

Одна беда: на ее попке не растопишь и кубика льда.

Она излучала ту же надменность, как и ее родители, и, что еще хуже, надменность эта была направлена на Дента Картера. Оливия смотрела на него так, будто сегодня утром он забыл принять душ. Старик же либо был слишком слаб, либо просто не желал разговаривать с ним. Что касается Беллами, то ее командирский тон моментально вызвал у Дента раздражение, хотя она и сказала всего-то несколько слов.

Нет, он не позволит им помыкать собой. Во всяком случае, не допустит повторения того, что было когда-то...

— К юго-востоку от центра города есть прекрасный коммерческий аэропорт, — сообщил он, обращаясь к Беллами. — Или вы не слышали об огромных современных самолетах? Они по несколько раз в день совершают рейсы в Хьюстон.

На его сарказм она ответила улыбкой, в равной степени язвительной.

— Да, мы в курсе. Спасибо за предложение. Но для отца было бы сущей пыткой проходить предполетный досмотр. Мне сказали... — Беллами посмотрела на ангар, где Голл затеял игру в прятки, скрывшись в своей конторке. — Мне сказали, что у вас есть самолет и вы берете пассажиров. Я согласилась с вашими условиями и заплатила аванс.

А в деньгах он действительно нуждался. Для Листонов две с половиной тысячи долларов — пустяк, карманные расходы. Для него же они означали возможность заплатить за электричество, купить продукты, погасить очередной взнос за самолет. Эх, зря он не запросил больше! Но и Голлу он еще выплет по первое число за то, что тот не сказал ему, что это за пассажиры. Это же надо так его подставить! И о чем только этот старпер думал?

А что вообще себе думали Листоны? Почему выбрали именно его, почему предпочли воспользоваться его самолетом? Ведь им по карману самые дорогие авиакомпании! Вряд ли этим снобам ни с того ни с сего взбрело в голову завести с ним дружбу.

Лично он не желал иметь с ними никаких дел.

Увы, но как ни крути, а Голл был прав, вспомнив поговорку про дареного коня. Если они готовы терпеть его общество, ему ничто не помешает последовать их примеру. Тем более что до Хьюстона лету всего ничего.

Дент нехотя повернулся к Говарду Листону. Что поделаешь, жизнь заставит сделать и не такое.

— Когда вам нужно быть на месте?

— Нам назначено на два часа.

— Мы прилетим туда гораздо раньше. У вас будет полно свободного времени.

— Отлично, — отозвалась Беллами. — Если все остальное в порядке, может, все-таки пройдем на посадку?

Ее командирский тон был Денту хорошо знаком. Он стиснул зубы, чтобы не нагрубить в ответ, однако взял себя в руки и с улыбкой указал на трап самолета:

— Прошу! Только после вас.

Полет прошел гладко. Единственная трудность, с которой они столкнулись, — необходимость посадить Говарда Листона в самолет, а затем из него высадить. Он был настолько слаб, что каждое движение давалось ему с великим трудом. Дент невольно проникся к нему сочувствием. Сев на заднее сиденье лимузина, который ждал их в аэропорту, Говард почти как ребенок был рад тому, что они наконец добрались до места. Оливия сидела рядом, готовая в любой момент прийти ему на помощь.

Беллами на минуту задержалась рядом с Дентом и была вынуждена кричать, чтобы он мог слышать ее слова за шумом двигателей и порывами ветра:

– Медицинский персонал и врачи не вписываются в график, так что я не могу сказать заранее, сколько времени мы там пробудем.

Она снова надела солнечные очки, однако губы предательски дрожали, выдавая ее состояние. Наверное, это из-за отца, предположил Дент. Или же, как и ее родители, она смотрела на него свысока. Одному Богу было известно, каких слов она наслушалась о нем за последние восемнадцать лет.

– Я отвезу вас обратно, как только вы справитесь с делами, а пока буду ждать в аэропорту. – С этими словами он протянул ей свою визитную карточку: – Здесь указан номер моего сотового. Если вы позвоните мне из клиники, я приготовлю самолет и мы сразу же полетим.

– Спасибо, – поблагодарила Беллами. Она на мгновение задумалась, затем засунула руку в сумку и вытащила из нее книгу в переплете: – Читали это?

Дент взял у нее книгу.

– «Петля желания». Т. Дж. Дэвид.

– Она же Беллами Листон Прайс. Вы знали, что эту книгу написала я?

– Нет, не знал, – ответил он. И тут же захотел добавить: «Мне совершенно на это наплевать».

Однако сдержался, потому что Беллами вопросительно смотрела на него. За темными стеклами очков Дент не мог видеть ее глаз, но ему показалось, что она задумалась над его ответом.

– Нет, – повторил он. – Я не знал, что вы теперь пишете книги. Прайс, вы сказали?

– Моя фамилия по мужу.

– А при чем тут Т. Дж. Дэвид?

– Я нашла это имя в телефонной книге.

– Как это?

В следующее мгновение из лимузина ее окликнула Оливия:

– Беллами! Ты идешь?

– Книга поможет вам скоротать время, пока вы будете ждать нас, – произнесла Беллами, повернувшись к Денту. С этими словами она торопливо направилась к лимузину.

Когда машина отъехала, Дент посмотрел ей вслед и выругался себе под нос. Войдя в здание, он достал телефон и, нажав кнопку быстрого набора, позвонил Голлу.

– Давай быстрее. Я занят, – ворчливо ответил тот.

– Какого черта, Голл?

– А ты что, можешь позволить себе выбирать пассажиров? У тебя денег много?

– Кого брать в полет, решаю я. Знай я, кто они такие, я бы остался в постели.

– Похоже, ты от страха едва не наложил в штаны!

– Слушай, почему ты пытаешься еще больше испугать меня в дерьме? Я и без того по уши в нем.

– Тебе нужен этот рейс. Они платят хорошие деньги. Скажи мне, если я не прав. Короче, закругляемся, у меня у самого дел по горло и выше, – после небольшой паузы добавил Голл и дал отбой.

Раньше Денту нравилось бродить по аэропортам, будь то шикарный международный или маленький сельский с поросшей травой взлетно-посадочной полосой, которым пользовались лишь самолеты сельскохозяйственной авиации. Особое удовольствие ему доставляло болтать на профессиональные темы с другими летчиками.

Теперь же он не стал этого делать. Говорить не хотелось. Да и кто захотел бы разговаривать с ним, узнай они, кто он такой. В помещение, где отдыхали летчики, он заглянул

лишь на минутку, чтобы взять пару газет, после чего устроился в кресле в дальнем углу зала ожидания. Он прочитал две спортивные колонки, неудачно попробовал разгадать кроссворд и принялся без особого интереса смотреть по телевизору футбольный матч.

Проголодавшись через пару часов, купил в уличной забегаловке чизбургер и принялся жевать его, наблюдая, как взлетают самолеты. Когда очередная крылатая машина отрывалась от взлетной полосы, его охватывало знакомое волнующее чувство. Больше всего на свете он тосковал о мощном выбросе адреналина, который испытывал всякий раз, когда нос реактивного лайнера взмывал ввысь. В этом было что-то сексуальное. Тогда он подсел на это ощущение как на наркотик. А потом все кончилось – раз и навсегда.

Увы, хьюстонская жара вынудила его перейти в помещение, где работали кондиционеры. Дент вернулся на свое прежнее место и, желая разогнать скуку, открыл роман Беллами Прайс и начал читать.

Пролог заставил его онеметь от изумления. Прочитав первые пять глав, он пришел в негодование. Когда же добрался до последней, лицо его полыхало от ярости.

Глава 2

Это было затишье перед бурей – последние минуты перед наплывом посетителей в ресторане «Макси».

Рестораны этой сети в Нью-Йорке и Бостоне уже имели солидную репутацию, и поэтому, как только в Атланте чуть больше года назад открылся свой «Макси», заведение тотчас же завоевало популярность у юных красоток в туфлях на шпильках, приходивших показать себя и заодно на других посмотреть.

Совладелец ресторана Стивен Макси сидел за барной стойкой и изучал вечернее меню, мысленно готовясь к наплыву посетителей, который должен был хлынуть сюда в половине шестого, как только заведение распахнет свои двери. Из задумчивости Стивена вывел телефонный звонок. С опаской посмотрев на определитель номера, он тем не менее ответил:

– Да, мама. Привет.

– Я знаю, что ты занят.

– Пустяки. Как там Говард?

– Мы в Хьюстоне. Прилетели, чтобы узнать, каковы перспективы дальнейшего лечения и есть ли у нас выбор.

Увы, вариантов выбора оставалось все меньше и меньше, но никто в их семье не осмеливался высказать это вслух.

– Передавай ему привет, – сказал Стивен.

– Обязательно. Он сейчас спит. Беллами присматривает за ним. Я отошла на минуту, чтобы позвонить тебе.

По голосу матери Стивен понял, что та хочет сказать что-то еще, – Оливия сделала паузу, как будто не решаясь говорить дальше.

– Мы прилетели на частном самолете, – снова заговорила она.

В невинном признании, однако, угадывалось нечто важное, недосказанное. Стивен не стал торопить мать.

– Его наняла Беллами. Угадай, кто летчик.

Стивен напрягся:

– Только не говори мне, что это...

– Верно. Дентон Картер.

Стив оперся локтем на стойку, опустил голову и потер лоб кончиками пальцев, пытаясь отогнать мигрень. Он уже понимал, что этот разговор наверняка закончится для него головной болью.

– Я пыталась разубедить ее, – продолжила Оливия. – Но ты же знаешь, какая у нас Беллами.

– Но, ради бога, зачем ей это?

– Для нее это что-то вроде окончательного исцеления, возможность примириться с прошлым. Да ты и сам знаешь, какая она, твоя сводная сестра.

– Она всегда хотела быть посредником во всех делах, таким миротворцем.

– Она хочет, чтобы... чтобы всем было хорошо.

– И как Картер повел себя? Надеюсь, он вам не нахамил?

– Не то чтобы нахамил, но ему явно было неприятно нас видеть. Так же, как и нам его.

– Тогда почему он согласился отвезти вас на своем самолете?

– Этот старик, владелец аэродрома...

– Он все еще жив?

– Старик договорился с Беллами и, скорее всего, не сказал Денту, кого ему предстоит везти. Когда же Картер понял, кто мы такие, то всем своим видом дал понять, что он о нас думает. У нас с ним взаимная неприязнь.

– Ему известно о книге, которую написала Беллами?

– Она сказала, что нет. Возможно, Картер притворяется или же на самом деле такой бестолковый. Кто его знает? Как только мы закончим здесь наши дела, нам придется лететь на его самолете обратно. – Оливия шмыгнула носом, и Стивен понял, что мать расстроена. – Вот уж не думала снова его увидеть.

Оливия продолжила свои жалобы. Впрочем, Стивен ее хорошо понимал, догадываясь, какие чувства владеют ею в эти минуты. Эмоции Оливии имели самый широкий спектр – от тревоги до ярости, как то уже было, когда «Петля желания» только что вышла в свет. Когда же стало известно настоящее имя автора и автобиографическая канва книги, она думала, что сойдет с ума.

Уильям Строуд, совладелец ресторана, похлопал своего компаньона по плечу: мол, пора открывать заведение. Администратор направился к дверям. Официанты разошлись по залу, добавляя к сервировке столиков последние штрихи. Занял свой пост и сомелье, готовый ответить на вопросы посетителей по внушительной карте вин.

– Мама, – оборвал Оливию Стивен, – извини, но у меня дела. Мы как раз открываемся на ужин.

– Прости, я должна была догадаться...

– Не надо извиняться, мама. Конечно, ты расстроена. Беллами зря так поступила: тебе действительно ни к чему снова видеть Дента Картера.

– Она тысячу раз извинилась, Стивен. Когда Беллами работала над книгой, ей и в голову не могло прийти, что всем станет известно, что ее книга основана... на реальных событиях.

– Пусть даже она извинялась искренне, но что толку? Она все равно решила написать эту книгу. Она знала, что рискует, знала, что при желании выяснить настоящее имя автора не так уж и сложно. И все-таки рискнула, хотя и знала, что тем самым подставит и нас. Это нечестно с ее стороны.

– Теперь она это понимает, – вздохнула Оливия. – Но в любом случае что сделано, то сделано.

– Все верно, но и лишний раз встречаться с Дентом Картером тебе тоже ни к чему. Выбрось его из головы, и пусть все твои мысли будут сосредоточены только на Говарде. Не забудь передать ему привет от меня и пожелания скорейшего выздоровления.

Стивен дал отбой прежде, чем мать успела сказать что-то еще. Отодвинувшись к краю стойки, чтобы уступить место первым посетителям, он скромно попросил бармена налить ему водки со льдом. Помещение прямо на глазах заполнялось людьми. К барной стойке уже было не протолкнуться.

Вскоре к Стивену присоединился Уильям. По стоящему перед компаньоном стакану и мрачному выражению лица он наверняка понял, что телефонный разговор был не из приятных.

– Как там твой отчим? Что нового?

Стивен сообщил последние новости о состоянии Говарда:

– Дело плохо, но есть кое-что похуже. На сцене снова появился Дент Картер. – Уильям знал предысторию, так что не было необходимости что-то ему объяснять. – По приглашению Беллами, ни больше ни меньше.

Стивен поведал компаньону, что произошло, и тот недоверчиво покачал головой:

– Скажи на милость, зачем ей это понадобилось? Вернувшись из Нью-Йорка в Техас, она перестала рекламировать свою книгу и практически исчезла из поля зрения читателей. Зачем ей нужно ворошить прошлое?

– Даже не знаю, что на это сказать. Ума не приложу.

– Что же ты будешь делать? – озабоченно поинтересовался Уильям.

– Да то же, что и всегда, всю мою жизнь, – ответил Стивен и осушил стакан до дна. – Вести борьбу за выживание.

Беллами догадалась, что Дент наблюдал за приближением их лимузина изнутри здания. Машина еще не успела остановиться, как он уже был рядом и жестом велел шоферу открыть заднюю дверцу. Как только Беллами выбралась наружу, Дент сунул ей прямо в лицо экземпляр «Петли желания».

– Признавайтесь, черт побери, зачем вы написали эту дурацкую книжку?

Беллами растерялась, не зная, как отнестись к этой вспышке гнева. Это хороший знак или нет? Скорее хороший, решила она. Значит, он не лгал, когда сказал, что первый раз слышит о ее книге. Из чего следовало, что это не он прислал ей крысу в подарочной коробке.

Но Дент явно разозлился, и его желательнее было успокоить, прежде чем на них начнут оглядываться окружающие. И тогда кто-нибудь обязательно ее узнает. Она затем и вернулась в Техас, чтобы по возможности держаться в тени и не попадаться на глаза журналистам. До сих пор ей это удавалось.

Она обошла Дента и шагнула в здание терминала.

– Извините, что не позвонила вам сразу, как только вышла из клиники. Вылетело из головы, – сказала она и, увидев столики кафе, добавила: – Я подожду вас здесь, пока вы будете готовить самолет к полету. Сообщите мне, когда закончите.

Она сделала шаг к ближайшему столику, но Дент преградил ей дорогу.

– Только не надо отмахиваться от меня, как от назойливой мухи. Я хочу знать, зачем вы написали это.

Беллами огляделась по сторонам:

– Вы можете говорить тише?

– Чтобы заработать денег? Папочкиных денег вам мало? Или ненаглядный муженек промотал ваше приданое?

– Я отказываюсь говорить с вами на эту тему, во всяком случае на публике, да еще когда вы выкрикиваете свои обвинения мне прямо в лицо.

– Я хочу знать!..

– Сейчас не время для этого, Дент.

То ли потому, что она сорвалась на крик, то ли потому, что назвала его по имени, а может, потому, что он заметил в ее глазах слезы, но Дент понял, что она расстроена, и не стал настаивать на своем.

Он отошел от Беллами, посмотрел на отъезжающий лимузин, затем вернулся и констатировал очевидный факт:

– Ваших родителей с вами нет.

– Отца положили в клинику, Оливия осталась с ним. – Поскольку Дент промолчал, Беллами воспользовалась этим минутным затишьем: – Я подожду вас вон там.

Она снова обошла его, причем оглядываться не стала. Если он зол из-за книги, то пусть летит назад без нее, размышляла Беллами. Пусть бросит ее здесь одну, и тогда ей придется вернуться в Остин рейсом коммерческой авиалинии. Впрочем, ничего страшного она в этом не видела. Может, так даже будет лучше.

Как уже несколько раз в течение дня заметила Оливия, встреча с Дентом, даже спустя столько лет, была ошибкой. Беллами же по наивности считала, будто это вернет ей душевное

спокойствие. Какая же она идиотка, что не прислушалась к совету Оливии и, что еще хуже, нажила себе нового врага.

У автоматов с газировкой Беллами положила в стаканчик кубики льда и, наполнив его диетической колой, села за столик, радуясь тому, что сейчас в закусочной пусто. День во всех отношениях выдался тяжелым. Неудивительно, что сейчас она – комок нервов. Ей требовалось несколько минут, чтобы успокоиться и приготовиться к неизбежной стычке с Дентом Картером.

В огромное окно Беллами наблюдала за тем, как Дент, зажав под мышкой ее книгу, шагает к своему самолету. Она не разбиралась в авиационной технике, но его крылатая машина ей понравилась – белый двухмоторный самолет с голубой полосой. Пронаблюдав за тем, как самолет заправили горючим, Дент что-то проверил на левом крыле, затем опустился на корточки и осмотрел шасси. Выпрямившись, отряхнул руки и, обойдя крыло, подошел к хвосту самолета. Все его движения были ловкими, четкими: сказывался немалый профессиональный опыт.

Сколько же ему сейчас? Тридцать шесть? Тридцать семь?

Он на два года был старше Сьюзен.

Все это время Беллами мучил вопрос: как прожитые годы обошлись с его внешностью? Есть ли у него брюшко, появилась ли лысина? Следит ли он за собой или выглядит на свой возраст? Однако никаких резких возрастных изменений она в нем не заметила.

Каштановые волосы оставались таким же густыми и непокорными, как и прежде. Правда, в уголках глаз стали заметны лучики морщинок, но это лишь потому, что ему постоянно приходилось щуриться во время полетов, когда солнце светит прямо в лицо. Зрелость и, по всей видимости, годы нелегкой жизни сделали черты лица более резкими. И все же сейчас он казался куда привлекательнее, чем в восемнадцать лет, когда при встрече с ним она начинала заикаться и мямлить, жутко стесняясь брекетов на зубах и прыщиков на лице.

Завершив предполетную проверку, Дент одобрительно сделал знак механикам, что все в порядке, и размашисто зашагал к зданию терминала. Вместе с ним в помещение ворвался порыв ветра. Молодые женщины за стойкой справочной службы тотчас повернули головы в сторону Дента, пожирая его глазами, пока он поправлял и разглаживал галстук на плоском мускулистом животе. Дент снял солнечные очки, небрежно провел пятерней по волосам и направился к столику, за которым его ждала Беллами.

Он принес себе чашку кофе, бросил книгу на столик и сел напротив.

Какое-то мгновение Дент просто смотрел на Беллами. Он явно все еще кипел от злости. Ей же подумалось, что его серые, с коричневыми крапинками, глаза остались такими же, как и прежде. Но если глаза были ей хорошо знакомы, то его раздражение оказалось для нее явно в новинку.

– Ну, как он, плох? – наконец спросил Дент.

– Отец? Плох. Врач-онколог прописал ему новый сеанс химиотерапии, но он переносит ее так тяжело, что они с Оливией сомневаются, стоит ли продолжать. Да и доктор считает, что он слишком слаб и ему лучше остаться на ночь в клинике.

– Новый сеанс химиотерапии все-таки способен помочь.

– Нет, – мягко возразила Беллами. – Не поможет. С химиотерапией или без нее, он все равно долго не протянет. Его дни сочтены.

Дент отвел взгляд:

– Извините.

Беллами отпила колы и, дождавшись, когда он снова посмотрит на нее, сказала:

– Не надо говорить о том, чего в данный момент не чувствуете.

Дент вытер рукой рот.

– Презираете меня? Отлично. Жаль, конечно, что люди уходят из жизни вот так, но ваш отец никогда меня не жаловал.

– И наоборот.

– Я сделал ему что-нибудь плохое? Впрочем, если мне приспичит это узнать, то я всегда могу прочитать вашу книгу. Она просветит меня.

С этими словами он подтолкнул через стол экземпляр «Петли желания».

– Если вы прочитали ее до конца...

– Я прочел достаточно.

– ...то вы бы поняли, что персонаж, который списан с вас...

– Списан? Да вы перешли все мыслимые границы, разве что не назвали меня по имени...

– ...окажется также и жертвой.

– Чушь!

Дент подался было вперед, но затем снова откинулся на спинку стула и вытянул ноги, даже не извинившись, когда под столом задел ноги Беллами.

– Зачем вы ворошите прошлое?

– А вам какое до этого дело? – парировала она.

– Вам требуется ответ?

– Это случилось давно, Дент. И если это и затронуло вашу жизнь, то надолго ли? На несколько недель? Или, самое большее, месяцев? А потом вы все забыли и начали жить своей жизнью.

Дент издал горький смешок.

– У вас есть семья?

– Нет.

– Никогда не были женаты?

– Нет.

– У вас есть ваш собственный самолет.

– Из всех сил стараюсь, чтобы он стал полностью моим.

– Вы по-прежнему общаетесь с мистером Хэтэузем.

– Верно. Общался до сегодняшнего дня. Сейчас Голл стоит первым номером в моем списке придурков.

– Он не сказал вам, что мы будем вашими пассажирами?

– Не сказал. Даже после того, как отдал мне чек.

– Неужели имя Беллами Прайс ни о чем вам не сказало?

– Я только посмотрел, правильная ли сумма стоит в чеке.

– А я думала, что вы видели меня по телевидению.

– Вас показывали по телевидению?

Беллами кивнула.

– Рассказывали о ней? – спросил Дент, указав на книгу.

И вновь кивок.

– Все понятно. Можете не объяснять. – Он поднес чашку с кофе к губам, но, видимо, раздумав пить, вновь поставил ее на стол и отодвинул так резко, что едва не расплескал содержимое.

– О книге СМИ сообщали несколько недель подряд, – пояснила Беллами. – Не знаю, как вы могли пропустить эту новость.

– Наверно, мне просто повезло.

После этих слов они с минуту сидели молча. Люди, проходившие через фойе, держались от кафе как можно дальше. Их как будто отпугивала враждебность, повисшая между этими мужчиной и женщиной, или же они просто не желали нарушать их уединение. Вся-

кий раз, глядя на официанток за стойкой, Беллами перехватывала их любопытные взгляды, предназначенные или ей, или Денту.

Первым напряженное молчание нарушил Дент:

– Зачем вы наняли именно меня? Что мешало вам доставить сюда отца как-то иначе? Частным реактивным лайнером. Зачем вам понадобился я вместе с моей «Сессной»?

– Хотела узнать, как у вас идут дела. Я ничего не слышала о вас после того случая... с авиалинией.

– Так вы слышали о нем?

– Эта история попала в газеты.

– Знаю, – сухо ответил Дент. – Об этом вы тоже собираетесь написать книгу?

Беллами пристально посмотрела на него.

– Могу подкинуть вам богатый материал, мисс Дэвид. – Дент задумчиво потер подбородок. – Что скажете о такой истории: молодая вдова наняла меня для полета в Нантакет? Это далеко отсюда. Когда мы добрались до побережья, была темная грозовая ночь. Все остались живы, но эта дамочка попыталась потом отравить мне жизнь, затрахав меня до смерти.

Услышав последнюю фразу, Беллами поморщилась, но говорить ничего не стала. Пусть провоцирует ее, если ему так хочется.

– Я наняла вас лишь потому, что хотела узнать, читали вы мою книгу или нет, и если читали, то желала услышать ваше мнение о ней, – сухо сказала она.

– Теперь вы его знаете. Ваше желание обошлось вам в две тысячи пятьсот долларов плюс оплата топлива. Оно того стоило?

– Да, стоило.

– Отлично. Мои пассажиры всегда должны получать за свои деньги максимум удовольствия. Та вдова точно получила его по полной программе. – Дент широко улыбнулся, однако Беллами внешне никак не отреагировала на его улыбку. Впрочем, улыбка тотчас исчезла с его лица, а сам он еле слышно чертыхнулся. – Если Голл думает, что получит с этого рейса комиссионные, то пусть лучше о них забудет.

– Возможно, он не сказал вам лишь потому, что...

– Потому что знал, что я скажу «нет».

– Потому что подумал, что будет хорошо, если вы увидите нас.

– Откуда он мог знать, что *мне* будет хорошо, если я увижу вас?

– Это дало нам шанс восстановить дружеские отношения.

– Дружеские отношения?

– Да, именно так. Забыть былое...

– Забыть? – Дент вновь подался вперед, причем так резко, что столик зашатался. – Именно это я и пытался делать последние восемнадцать лет. По крайней мере, *хотя бы* пытался. Говорите, это случилось давно? Не так уж и давно, леди. Не так давно, чтобы не помнить. Чтобы все забыть и сделать так, чтобы и все остальные забыли. И вот теперь в моей жизни появляется вы и пишете вашу идиотскую книгу про День поминовения...

– ...которая была опубликована как художественное произведение. Я вовсе не собиралась...

– И вся эта жуткая история снова всплывает, чтобы все вокруг тут же вцепились в нее. Если вы хотели написать обычный роман, то что вам помешало? – Дент стукнул кулаком по книге: – Зачем вы написали *это*?

Нет, она не обязана отчитываться перед ним, но к ответной грубости прибегать не стоит, решила Беллами, а вслух сказала:

– Потому что я тоже хотела забыть прошлое.

Ее собеседник издевательски хохотнул:

– Забавный способ забыть о прошлом! Написать именно о нем!

– Мне было двенадцать лет, когда это случилось. Это событие оставило неизгладимый след в моей душе. Мне многое удалось перебороть в себе, но есть вещи, которые до сих пор должны пройти сквозь чистилище.

– Пройти сквозь чистилище памяти? – переспросил Дент, саркастически выгнув бровь. – Ну и словечки! Вы их и в книге использовали?

– Мне нужно было все изложить на бумаге, чтобы случившееся обрело осязаемую форму. Нечто такое, что я могла бы скатать в комок и выбросить.

– Теперь вы об этом еще и рассказываете. Ну-ну, давайте! – Дент еще ближе подтолкнул к ней книгу. – Можете начать вот с нее. Швырните ее в ближайшую мусорку. – Он встал и направился к выходу, бросив через плечо: – Пойдемте.

– Вам видно?.. Дент? Это не опасно?

Это были первые слова, которые его пассажирка произнесла с того момента, как они поднялись на борт самолета. На тот случай, если ей захочется поговорить с ним во время полета, Дент велел ей воспользоваться головным телефоном.

– Нужно лишь воткнуть вот сюда разъем. – Он показал ей на подключенные к наушникам проводки. – Микрофон нужно ближе подносить ко рту, вот так. – Дент продемонстрировал, как это делается, и едва не коснулся ее губ. – И можно говорить. Понятно?

Беллами кивнула. Впрочем, было неважно, поняла она или нет. Все равно говорить ей нечего, и это его вполне устраивало.

Однако на двадцатой минуте сорокаминутного полета они попали в зону легкой турбулентности, и Беллами нарушила молчание. Уловив в ее голосе нотки беспокойства, Дент обернулся и посмотрел на салон. Вцепившись пальцами в подлокотники кресла, его пассажирка напряженно вглядывалась в иллюминатор. На западном горизонте сверкнули зарницы, высветив грядущие грозовые облака. Они летели параллельно им, хотя и на приличном расстоянии.

Благодаря радару Дент был в курсе сегодняшних погодных условий. Он также отлично знал, где в данный момент находится и с какой скоростью летит, поскольку заранее загрузил соответствующий файл в память бортового компьютера.

– Можете не волноваться, – пояснил он в микрофон. – Грозовой фронт проходит далеко от нас.

– Я просто подумала... Может, нам выбрать другой маршрут?

– У меня в компьютере есть файл с маршрутом.

– Я знаю, но... Может, нам стоит отклониться чуть в сторону?

– В принципе можно, но уж лучше оказаться рядом с грозовым фронтом, чем врезаться в авиалайнер, который меня не заметит и раздавит, как жестянку. – Он повернулся к ней, чтобы ей было видно его лицо, а не один затылок. – Тем более что я не один.

Беллами одарила его колючим взглядом, выдернула провода из гнезда рядом с сиденьем и сняла наушники. Дент сосредоточился на управлении самолетом, но, как только турбулентность усилилась, вновь обернулся и посмотрел на пассажирку. Ее глаза были закрыты, губы беззвучно шевелились. Беллами или молилась, или пела. Или же проклинала его.

Голл, которого он заметил при подлете к аэродрому, включил посадочные огни. Дент посадил самолет с легкостью опытного пилота и ловко вырулил к ангару, где заметил в дверном проеме силуэт старика.

Как только он остановил самолет и выключил двигатели, Голл вышел из ангара, чтобы поставить под колеса машины «башмаки». Дент выбрался из пилотской кабины первым, открыл дверь и повернулся к Беллами, чтобы помочь ей спуститься по ступенькам трапа. Та отказалась принимать его протянутую руку.

Ее отказ больно ударил по его самолюбию. С гордым видом он сунул ей в руку квитанцию:

– Вы должны мне за горючее, которым я заправлялся в Хьюстоне.

– У мистера Хэтзуэя есть моя кредитная карточка. Извините, но мне срочно нужно в туалет.

С этими словами она торопливо прошла в здание ангара.

Голл обошел вокруг крыла и заглянул в пустую кабину:

– А где ее родители?

– Остались в Хьюстоне.

– Меня это не удивляет. Старик выглядел скверно, как на последнем издыхании. Ну, как все прошло?

– Только не надо любезничать со мной, Голл. Я зол на тебя, зол как черт.

– Сегодня вечером ты разбогател...

– Я хочу получить честный ответ. Ты знал про ее книгу?

– Книгу? Какую?

– Простую. Ты знаешь, какие книги люди читают.

– С картинками, что ли?

– Без.

– Тогда я о ней ничего не знаю.

Дент посмотрел в глаза Голлу. Они по-старчески слезились, но обмана в них он не заметил.

– Я убью тебя позже. В данный момент я хочу одного: поставить самолет на место и побыстрее смотаться отсюда.

Пока он возился с самолетом, Беллами и Голл занялись в конторке улаживанием финансовых вопросов. Дент все это время наблюдал за ними и, когда Беллами вышла из ангара, решительно встал у нее на пути.

– Благодарю вас, – натянуто произнесла она.

Однако Дент не собирался так просто ее отпускать.

– Я не пользуюсь умными словечками, как вы, но умею управлять самолетом. Я хороший пилот. Не понимаю, почему вам было так страшно.

– С чего вы взяли, что мне было страшно? – ответила Беллами, отведя глаза в сторону.

Глава 3

Вместе с Голлом Дент закатил самолет в ангар. Здесь он вновь забрался в кабину, чтобы забрать солнечные очки, и наткнулся на «Петлю желания». Книга лежала на пассажирском сиденье. Он чертыхнулся, схватил книгу и, выбравшись из самолета, зашагал к своему «Корвету».

Держа в руке упаковку пива «Будвайзер», Голл отвернулся от гудящего холодильника.

– Я думал, мы с тобой пропустим по баночке пивка... Ты куда собрался?

– За ней следом.

– Что ты имеешь в виду «за ней»?

Дент опустил на водительское сиденье и завел мотор. Но не успел он сняться с места, как рядом с машиной оказался Голл. Одной рукой старик придержал дверцу, во второй по-прежнему сжимал упаковку пива.

– Не вляпайся в неприятности, летчик.

– Ну ты даешь! Ведь кто, как не ты, свел меня с ними.

– Я был не прав.

– Ты так думаешь? – Дент потянул на себя дверцу: – Пусто.

– Зачем ты едешь за ней?

– Она кое-что оставила в самолете. Собираюсь вернуть ей эту вещь.

– Тебе лучше оставить ее в покое.

Дент не стал с ним спорить. Включив первую передачу, он вырулил из ангара. К счастью, он хорошо знал дорогу. Ведя машину одной рукой, второй он вытащил из кармана бумажник и извлек из него чек. Прочитав на нем адрес, Дент через планшет вошел в Джипи-эс и в считанные минуты получил карту маршрута к ее дому.

Джорджтаун, городок примерно в пятидесяти километрах к северу от Остина, славился домами в викторианском стиле. Городская площадь, улицы с ровными рядами деревьев – все это как будто перенеслось сюда из другой эпохи.

Беллами жила в одном из таких домов. Сам дом с верандой вдоль всего фасада стоял в рощице пекановых деревьев. Дент оставил машину возле тротуара и, захватив с собой книгу, зашагал по усаженной цветами дорожке прямо к крыльцу. Стремительно взбежав по ступенькам, он оказался перед дверью и позвонил в звонок.

Первое, что бросилось ему в глаза, – дверь была приоткрыта.

– Есть кто дома? – позвал Дент, когда внутри послышался какой-то шорох. – Беллами! – Нет, обогнать его она точно не могла. – Беллами!

Впрочем, могла. Потому что в следующий миг возникла в щели между дверным проемом и приоткрытой дверью. Внутренний голос тотчас подсказал Денту, что в данный момент она нуждается в его помощи. Глаза Беллами были широко открыты, в них блистали слезы. На бледном лице были хорошо заметны веснушки, особенно на носу и щеках. Странно, что он не замечал их раньше.

Беллами нервно облизала губы.

– Что вы здесь делаете? – спросила она.

– С вами все в порядке?

Она кивнула, но он ей не поверил.

– У вас такой вид... – он указал на ее лицо. – Это из-за полета? Вы плохо его перенесли?

– Нет.

– Тогда в чем дело?

– Ни в чем.

Дент мысленно отругал себя. Надо было сунуть ей книгу, посоветовав хранить ее там, куда не заглядывает солнце, и сразу же уйти. Ведь он явился сюда именно для этого. Уйти навсегда. Навсегда. На веки вечные... Потому что он понимал: стоит задержаться здесь еще хотя бы на секунду, и потом он всю жизнь будет об этом жалеть. И все же, несмотря на желание поскорее уехать отсюда, забыть навсегда и ее, и всех Листонов, Дент осторожно толкнул дверь. Беллами не позволила ей открыться. Тогда он толкнул сильнее. Хозяйка дома отпустила дверь, и та распахнулась.

– Какого черта?! – воскликнул он.

Коридор за ее спиной выглядел как центральная улица города во время праздника, когда ее сверху осыпают пригоршнями конфетти. Полированный пол был усеян обрывками бумаги. Дент прошел мимо Беллами, нагнулся и поднял один из обрывков. На нем стояло имя Т. Дж. Дэвид и номер страницы.

– Вы застали дом в таком виде, когда вернулись сюда?

– Я приехала всего на несколько минут раньше вас, – ответила Беллами. – Я сама пока ничего еще толком не разглядела.

Первое, что пришло на ум Денту, – взломщик мог все еще оставаться внутри дома.

– Что с сигнализацией?

– В моем доме ее нет. Я поселилась здесь всего пару недель назад. – Беллами указала на запечатанные коробки, рядами сложенные у стены. – Я даже не все еще успела разобрать.

– Вашего мужа не было дома?

Вопрос, похоже, смутил ее.

– Нет. Я хочу сказать... у меня его нет... я разведена, – запинаясь, ответила она.

Ха-ха! Дент решил, что поразмыслит об этом на досуге.

– Набирайте 911. А я загляну в другие комнаты.

– Дент...

– Со мной все будет в порядке.

Положив книгу на столик, он прошел по коридору мимо столовой и гостиной – двери этих комнат располагались друг напротив друга – и оказался в дальней части дома. Дверь, выходящая во двор, была открыта. В дверном полотне, в том месте, где полагалось быть замку, зияла дыра. Возле порога, пытаясь заглянуть внутрь, примостился полосатый кот. Правда, увидев Дента, любопытное животное предпочло ретироваться. Пытаясь ни к чему не прикасаться, Дент вышел на бетонированный пол задней веранды. Здесь стояли мешок с посадочным грунтом и стопка глиняных цветочных горшков. Один из горшков был разбит. Его обломки валялись на ступеньках крыльца. В огороженном забором заднем дворе было пусто.

Похоже, взломщик уже не представлял угрозы, однако проверить верхние комнаты все же стоило. Дент через кухню вернулся в коридор. Беллами, с телефоном в руке, стояла там же, где он ее оставил.

– Похоже, он забрался в дом через заднюю дверь. Нужно осмотреть верхние комнаты.

С этими словами Дент быстро поднялся на второй этаж. Первая дверь слева вела в гостевую спальню, которую Беллами, по всей видимости, собиралась использовать в качестве рабочего кабинета. Компьютер, похоже, взломщика не заинтересовал, однако здесь, как и внизу, пол был усеян клочками бумаги. Дент проверил шкаф: пусто, если не считать коробок с канцелярскими принадлежностями. Стеклопакеты оказались открытыми. Шагнув туда, Дент оказался в спальне Беллами. Здесь он постоял дольше. Комната подверглась настоящему разгрому, и дело было не в бумажном мусоре.

Дент второпях осмотрел шкаф, где обнаружил одежду и обувь плюс несколько нераспакованных коробок с вещами. Ванная комната также была пуста, за исключением белоснежной сантехники, полотенца и косметики.

Дент вернулся к дверям спальни и громко позвал Беллами:

– Здесь никого нет, поднимайтесь сюда!

Через несколько секунд она вошла и тут же застыла на месте.

– Насколько я понимаю, это отнюдь не часть декора?

– Нет, конечно, – согласилась она. На стене красной краской было намалевано: «Ты еще пожалеешь».

Краска стекла вниз, оставив под каждой буквой ручейки, напоминающие потеки крови. Вместо кисти неизвестный злоумышленник использовал скрученные в жгут женские трусики, которые валялись здесь же на полу.

Зловещий намек был предельно прозрачен для них обоих.

Дент указал на трусики:

– Ваши?

Беллами кивнула.

– Вот же ублюдок! Полиция уже едет?

Беллами пробудилась от оцепенения, отвела взгляд от надписи и посмотрела ему в глаза:

– Я не стала вызывать полицию.

– Почему?

– Не считаю нужным привлекать внимание к такому пустяку.

Дент решил, что ослышался.

– Это лишь чья-то дурацкая шутка, – поспешила объяснить Беллами, заметив недоумение на его лице. – Когда я только въехала в этот дом, соседи рассказали мне, что творится в округе. Настоящая эпидемия мелкого хулиганства. Изощряются подростки, которым нечем заняться. Вдруг это что-то вроде инициации, своего рода ритуал для новичков? Они разбрасывают мусор по газону. Переворачивают почтовые ящики. Говорят, что в прошлом месяце они как-то ночью поставили на уши целый квартал.

Дент посмотрел на изгаженную стену, испачканные краской трусики на полу и перевел взгляд на хозяйку дома:

– Вашими трусами воспользовались как кистью, чтобы намалевать на стене *вашей* спальни угрожающую надпись, а вы мне говорите про какой-то мусор и перевернутые почтовые ящики!

– Я не собираюсь вызывать полицию. У меня ничего не украли. Во всяком случае, я не заметила никакой пропажи. Это... лишь озорство, глупая шутка.

Сказав это, Беллами быстро развернулась и вышла из комнаты. Дент направился за ней следом.

– Когда я приехал сюда, вы дрожали как осиновый лист. Тогда почему вы сейчас твердите, будто это чья-то глупая шутка?

– Потому что я уверена, так оно и есть.

С этими словами она пошла в кухню. Дент не желал отставать:

– Если вы думаете, что я куплюсь на такое неубедительное объяснение, то вы ошибаетесь. О чем вы могли бы пожалеть?

– Понятия не имею.

– А я думаю, что имеете.

– Это не ваше дело. И вообще, что вы здесь делаете?

Беллами взяла на кухне стул и отнесла в подсобку, где приставила к двери, чтобы та не открылась.

– Сюда без приглашения может забрести соседский кот.

Когда же она обернулась и попыталась сделать шаг, Дент загородил ей путь:

– В таком случае я сам позвоню в полицию.

– Не смейте этого делать! Если журналисты узнают, то не дадут мне покоя. Тогда мне еще и с ними придется иметь дело.

– *Еще и с ними?* А с кем же еще, кроме журналистов?

– Ни с кем. Просто... просто не надо никуда звонить. Я жду звонка из клиники, тревожусь о состоянии Говарда. Мне сейчас не до всяких там пустяков. Или вам это непонятно?

Но Дент видел другое: женщина на грани нервного срыва. В ее глазах затаился страх. Неужели страх? Голос дрожит, а сама она, того гляди, расплачется. Впрочем, надо было отдать ей должное: она держалась из последних сил.

– Послушайте, – смягчился Дент, – из-за вашей семейки я не питаю особой любви к копам, но, думаю, позвонить им все-таки стоит.

– Они приедут сюда с включенными мигалками.

– Вполне может быть.

– Нет уж, спасибо. Обойдусь без этого цирка. Не буду звонить.

– Хорошо, тогда позовите соседей.

– Зачем?

– Попросите разрешения переночевать у них.

– Не говорите глупостей!

– Тогда позовите кого-нибудь из друзей. Кто мог бы приехать к вам и...

– Нет!

– Тогда надо обратиться в полицию.

– Если хотите звонить – звоните. Будете сами с ними разбираться. Меня здесь не будет. – Она оттолкнула его и направилась в коридор. – Если что, я буду в доме родителей.

– А вот это правильно. Остаться здесь одной было бы безумием. Но подождите хотя бы час. Пусть полицейские приедут.

– Нет. Я хочу уехать отсюда прежде, чем разразится гроза.

– Гроза сюда не придет. Пройдет стороной.

Беллами задумчиво посмотрела в окно:

– Может быть.

Она наклонилась и, подняв с пола сумочку, которую уронила, когда вошла в дом, перекинула ремешок на плечо.

– Вы мне так еще и не сказали, зачем приехали сюда.

– Чтобы вернуть вам вашу паршивую книжонку. – Дент показал на столик, на котором оставил книгу, и поддал ногой кучу разорванных страниц. – Похоже, кому-то она не понравилась даже больше, чем мне.

Беллами собралась что-то сказать, но передумала и отвернулась. Затем открыла входную дверь. Но Дент опередил ее. Быстро шагнув вперед, он захлопнул дверь. Беллами окинула его сердитым взглядом, но сказать ничего не успела, потому что он заговорил первым:

– Это ведь как-то связано с книгой, верно я понял?

Она ничего не ответила. Впрочем, все было понятно без всяких слов. Выражение ее лица говорило само за себя.

– Вы ведь испугались, я угадал?

– Я...

– Вы не хуже меня знаете, что соседские подростки здесь ни при чем.

– Я ничего не знаю.

– О чем же вы могли бы пожалеть? Вы написали книгу, которая кому-то пришлось не по нутру...

– Я ничего такого не говорила...

– И этот кто-то начал угрожать вам. Вы же восприняли эту угрозу абсолютно серьезно. Я знаю это, потому что вижу, как вы испуганы. Только не надо ничего отрицать. Что происходит?

– Какое вам дело?

– Считайте меня славным парнем.

– Но ведь вы не такой!

Спорить было бессмысленно. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, затем Беллами опустила голову, а когда подняла снова, убрала за ухо выбившуюся из «конского хвостика» прядь.

– Дент, поймите, у меня сегодня был на редкость тяжелый день. Во-первых, стычка с вами, когда вы открыто пошли на конфликт и, образно выражаясь, отвергли протянутую вам оливковую ветвь мира. Потом мне пришлось несколько часов ждать в клинике, видя, как страдает отец, которого я люблю больше жизни. Я не хотела оставлять его, но он придумал какие-то неотложные дела, которые непременно потребуют моего участия здесь завтра утром. Но истинная причина в другом: он не хочет, чтобы я видела его страдания.

Затем, пока мы летели, я была вынуждена бороться со страхом, а это было так унижительно, потому что вы это заметили. Когда же я добралась до дома, то застала в нем разгром. И вот тут появляетесь вы и начинаете играть у меня на нервах. Я уйду! Можете оставаться здесь или ступать ко всем чертям. Мне наплевать.

Выходя, Беллами выключила рубильник, и весь дом погрузился во тьму.

Такого громилу, как Рей Стрикленд, лучше было обходить стороной, и он делал все для того, чтобы окружающие именно так и думали.

Своей цели он добивался естественным путем, но для пущего эффекта выработал кое-какие приемчики, под стать своей отталкивающей внешности. Низкий лоб постоянно нахмурен. Глубоко посаженные глаза смотрят на мир холодно и злобно. Широкие плечи и мускулистые руки. Это могло бы показаться уродливым, если бы не такие же крепкие, мускулистые ноги.

Голову он не брил, но каждые три-четыре дня коротко стригся электрической бритвой. На затылке татуировка: Железный крест нацистской Германии. Руки и грудь тоже в татуировках. Предметом его гордости была та, что изображала змею с оскаленными зубами, с которых стекали капли яда. Змея обвивала его левую руку от плеча и до запястья, скрывая шрамы.

На пояском ремне – кожаные ножны с ножом. Нож Рей всегда держал под рукой на тот случай, если кто-нибудь не внемлет татуировкам и рискнет нарваться на драку с ним.

Рей в буквальном смысле источал опасность. Своим видом он как будто внушал окружающим: держитесь от меня подальше. Любог, кто перейдет мне дорогу, пусть пеняет на себя.

Этим вечером настроение у Рея было особенно паршивым.

В баре, куда он зашел, чтобы немного оттянуться, оказалось душно и многолюдно. Музыканты играли неумело и слишком громко. Каждый новый посетитель, входивший в зал, вызывал у Рея глухое раздражение. Ему казалось, будто эти люди посягают на его личное пространство и воздух, которым он дышит. Духота заставила его распахнуть кожаный жилет, однако легче от этого не стало. Он весь взмок и был готов сорвать свою злость на ком угодно.

Он сделал знак барменше, требуя новую порцию неразбавленной текилы. На телке за стойкой были черная ковбойская шляпа, черный кожаный бюстгальтер и джинсы с низким поясом. В пупке у нее красовалось колечко, к которому крепилась серебряная цепочка, заправленная за пояс и уходившая прямо *туда*.

Рей постарался, чтобы она перехватила его взгляд.

– Мне нравится твоя цепочка.

– Спасибо, – лаконично поблагодарила девушка, давая тем самым понять: отвянь от меня! Налив порцию текилы, она повернулась к нему спиной и отошла к другому краю барной стойки, давая ему возможность разглядеть ее аккуратную упругую попку.

Отказ заносчивой девахи разъярил Рея. И не потому, что он не привык к подобным фортелям. Женщины, что называется, просто не велись на него, если только он не покупал им какое-нибудь дешевенькое пойло, чтобы вызвать у них симпатию и понимание его потребностей. Но чтобы им самим захотелось переспать с ним – никогда!

Как говорится, не дано так не дано. Не то что его брат Алан. Стоило тому поманить какую-нибудь цыпочку пальцем, как та опрометью бежала к нему. Алан уж точно уболтал бы эту фифу, и она дала бы ему залезть к ней не только в лифчик, но и в трусы. Да, Алан любил баб, и те отвечали ему взаимностью.

Лишь одна из них дала Алану отставку.

Сьюзен Листон.

После этой сучки больше телок у Алана не было. Ни одной.

Рей потянулся за стаканом и опрокинул в себя обжигающую текилу.

Если бы не Сьюзен Листон, Алан сегодня вечером был бы с ним рядом. Они бы хорошо выпили, сняли телок и оттянулись, как раньше. Потому что тогда, в былые времена, они слыли крутыми перцами, но разве сегодня они отжигали бы хуже, чем восемнадцать лет назад? Но брат этого не узнает, верно? Не узнает. Точно не узнает. И все из-за Сьюзен Листон.

А теперь эта дурочка, ее младшая сестра, продолжает в том же паскудном духе. Накропала свою гнусную книжонку. Это же надо! Правда, поменяла все имена, даже свое собственное. И перенесла историю в вымышленный город. Но разве скроешь за такой хилой маскировкой дерьмо, если ты в курсе, как все было? Как будто героев нельзя сравнить с настоящими людьми!

У Рея всякий раз чесались кулаки, стоило ему вспомнить персонаж, под чьим именем эта дурочка вывела Алана. Она писала, что он «привык угождать». Рей плохо понимал, что она хочет этим сказать – «угождать», но само слово казалось ему уродливым, даже гадким. Его старшего брата раз за разом высмеивали и оскорбляли на страницах чертовой книжонки. И, как бы в подтверждение этому, сестра Сьюзен, которая сама теперь взрослая женщина и, по идее, должна понимать жизнь, рекламирует по ящику книгу, наживаясь и на самом Алане, и на том случае, который его погубил.

Как же это несправедливо! Рей преподаст ей урок. Пусть не думает, что ей это сойдет с рук.

Как только он услышал, что она вернулась в Остин, он взялся за дело, решив добавить немного перца в ее сладкую жизнь. Пусть понервничает, подергается, испугается, пусть на своей шкуре испытает то, что и Алан, когда его арестовали. Пусть хлебнет того же горя, что и Рей, когда легавые сцапали Алана.

Уж он поизмывается над ней! Пусть эта сучка пожалеет о своих словах, которые она написала о его брате.

Сегодня он сделал ей предупреждение. Хотя ему и была ненавистна мысль о том, что с каждой проданной книгой эта сучка становится богаче, он все-таки купил себе экземпляр и с удовольствием покромсал страницы ножом. А еще он купил банку красной краски и кисточку. Пробраться в дом этой стервы не составило большого труда, и он быстро проник в ее спальню.

Это оказалось самым приятным делом. В последний момент он решил вместо кисточки воспользоваться ее трусами. В ящике комода он нашел аккуратными стопками сложенное нижнее белье. Не торопясь, выбрал трусики, что ему понравились больше всего. Правда, они плохо впитывали краску, но работа все равно была сделана.

Закончив, Рей переместился на кухню, где решил дождаться ее возвращения. Утро сменилось днем. Вскоре стало жарко и душно, но включать кондиционер он не стал. По какой-то непонятной причине ему казалось, что терпеть неудобства – часть его плана. Нельзя, чтобы все прошло легко. Он делал это ради Алана.

Наступил вечер, но с заходом солнца жара так и не спала. Ноги в джинсах взмокли от пота, кожаная жилетка противно липла к телу. Наконец он услышал, как к дому подъехала машина. Раздался стук. Это открылась и вновь захлопнулась дверца. Затем открылась входная дверь, после чего раздался испуганный возглас. Это ее глазам предстал устроенный в коридоре разгром. Рей с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться во весь голос.

Его так и подмывало с громким криком выскочить из кухни и до смерти напугать эту безмозглую девку. Но нет, он повел себя более разумно: напрягая слух, подождал. Интересно, куда она направится дальше и как поведет себя! Вот тогда и будет видно, как ему поступить дальше.

Однако в следующую секунду к дому подъехала другая машина. Хлопнула дверца, и послышались чьи-то гулкие шаги.

Черт! Рей схватил пластиковый пакет с краской и бросился наутек. Он даже не стал закрывать за собой дверь. Перепрыгнул через осколки цветочного горшка, который разбил, взламывая заднюю дверь, перескочил через забор и метнулся к соседскому двору. Пробежав несколько кварталов, он наконец оказался в том месте, где оставил свой пикап. К тому времени, когда Рей подбежал к машине, он задыхался и взмок от пота. Впрочем, он скорее был разъярен, чем напуган: кто-то помешал его планам. Рей рискнул проехать мимо ее дома, ведь парни вроде него не боятся опасности и всегда готовы рисковать. Как выяснилось, решение было правильным. Понятно, что за мерзавец не дал ему проучить эту деваху.

Дентон Картер.

Сначала Рей отказывался верить собственным глазам и поверил лишь тогда, когда увидел, как тот стоит на крыльце дома Беллами. Поскольку фонарь над крыльцом был зажжен, ошибки быть не могло: это он.

– Долбаный летун, – буркнул Рей, сидя за стойкой бара и вертя в руках пустой стакан.

В его душе клокотала злоба. Дент Картер был из числа ненавистных ему везунчиков, которые, даже вляпавшись в дерьмо, будут благоухать как майская роза. Рей был в курсе, что в последние годы Дент имел неприятности. Из-за какой-то истории, которая чуть не закончилась катастрофой, его вроде бы выперли из авиакомпании.

Однако Дент, похоже, воспрянул духом. Перед домом Беллами был припаркован красный «Корвет», и Рей увидел, как самого Дента пустили в дом. Да и чему удивляться, ведь в своей книжонке эта засранка вывела его в образе такого самца-производителя!

При этой мысли Рей разозлился еще больше.

Дав барменше знак, он вытащил из нагрудного кармана несколько скомканных банкнот. Увидев деньги, девушка торопливо подошла к нему с бутылкой текилы:

– Тебе еще налить, красавчик?

Так теперь он для нее красавчик? Вот ведь как легко деньги меняют сознание людей. Может, у него сегодня что-нибудь да выгорит с этой девицей. Как она поведет себя, если он протянет руку и дернет ее за цепочку? Наверняка закричит как резаная.

– Давай еще две порции.

Она потянулась за вторым стаканом:

– Что празднуем?

– У меня сегодня поминки.

– Прости. Кто-то умер?

– Никто, – ответил он и поднял стакан. – Пока еще никто.

Глава 4

Дент посмотрел на высветившийся на дисплее номер.

– Ты что, шутишь? – фыркнул он. – Второй раз за сутки?

– Давай ноги в руки – и сюда.

Голл отключился, так больше ничего и не сказав, что было совсем не в его характере. Он всегда любил попрепираться, особенно с Дентом. Значит, случилось что-то действительно серьезное.

Дент рывком отбросил простыню и быстро повторил вчерашнюю процедуру, правда, бриться на этот раз не стал, а вместо белой рубашки с галстуком надел джинсовую. Через пять минут он выскочил за дверь. Через двадцать минут уже был на аэродроме. Голла он застал внутри ангара. Тот стоял рядом с самолетом – руки в боки, в зубах изрядно пожеванная сигара.

Когда Дент подошел ближе, старик недовольным жестом указал на самолет, в чем, по большому счету, не было необходимости. Дент все понял с первого взгляда, как только вылез из машины. Через лобовое стекло пилотской кабины пролегла трещина. На фюзеляже красовались вмятины размером с мяч для игры в софтбол. Лопасть одного из пропеллеров погнута. Но хуже всего были зияющие дыры на верхних плоскостях обоих крыльев, как будто кто-то проткнул их гигантским штопором.

Чувствуя, как в нем закипает ярость, Дент медленно обошел самолет, внимательно разглядывая следы работы злоумышленника.

– Механика цела? – процедил он сквозь зубы, подойдя к Голлу.

– Вроде бы да. Нужно дождаться, когда приедет человек из страховой компании, и тогда станет ясно, что там с начинкой. Я уже позвонил шерифу. Он обещал кого-нибудь прислать сюда. Повреждены лишь крылья. С пропеллером тоже пока не ясно – или только лопасть погнута, или он весь сломан.

Дент выразительно посмотрел на Голла.

Старик все понял без слов, пожал плечами и сердито произнес:

– Не знаю. Не меньше месяца. Может, даже больше. Ремонт дело такое...

Дент выругался. Для него это был не просто самолет. Это была часть его жизни. Собственно, он и являлся его жизнью. Напади бандиты на него самого, исполосуй они его ножом с головы до ног, он точно бы так не переживал, как за свою машину.

– Как этот подонок пробрался сюда?

– Воспользовался болторезом. Перекусил дужки навесного замка. Я давно уже собирался сменить замок, да только руки никак не доходили, сам понимаешь...

– Не вини себя, дружище. Ты тут ни при чем. Попадись мне этот козел, который это сделал...

– Обещай, что, если попадется, оставить и для меня кусочек. – С этими словами старик бросил окурочек в пустой металлический бочонок из-под масла, служивший мусоркой. – Сюда идет Джонни Лоу.

Следующие полтора часа они провели в обществе помощника шерифа, довольно толкового парня, однако Дент понял: следствие не станет слишком надрыпываться в поисках злоумышленника. Похоже, помощник шерифа считал, что в том, что кто-то изуродовал самолет, каким-то образом виноват его владелец.

– У вас есть какие-нибудь неоплаченные долги, мистер Картер?

– Нет.

– Я не имею в виду банковские долги. Может, вы какому-нибудь букмекеру задолжали? Или у кого-то взяли взаймы?

– Нет.

– У вас есть враги? Может, с кем-то недавно повздорили? Или вступились за кого-нибудь? Быть может, кто-то вам позавидовал или затаил на вас злобу?

– Нет.

Помощник шерифа недоверчиво посмотрел на Дента, однако, заметив мрачное выражение его лица, не стал нажимать, а задал несколько вопросов Голлу. Дент тем временем вступил в разговор со страховщиком, прибывшим вскоре после представителя закона.

Чопорный, застегнутый на все пуговицы страховщик задал Денту массу вопросов, большую часть которых сам Дент считал ненужными и даже глупыми, что-то долго писал в блокноте, заполнил уйму бланков и формуляров, сфотографировал самолет во всех мыслимых ракурсах, однако при этом ни разу не выразил сочувствия пострадавшему.

– Как пить дать, обведут они меня вокруг пальца, – посетовал Дент, обращаясь к Голлу, когда этот неприятный тип уехал. – Помяни мое слово.

– Не волнуйся, я нарочно завысил стоимость ущерба и смету возможных ремонтных работ, так что мы с тобой, дружище, в проигрыше не останемся.

Дент мрачно улыбнулся. Довольный тем, что у него есть хотя бы один союзник, который понимает, какой это для него удар, причем не только в финансовом плане. Ведь у него нет ни жены, ни детей, нет даже собаки. Самолет – его единственное детище, главная любовь его жизни.

– Пройдись по нему частым гребнем, хорошо? Ну ты понял меня, надеюсь. Я потом проверю твой прогноз.

С этими словами он направился к машине, но Голл его остановил:

– Не гони лошадей, Дент. Зайди-ка лучше на минутку ко мне в каморку.

– Зачем?

– Ты еще не пил сегодня кофе.

– Откуда ты знаешь?

Вместо ответа Голл фыркнул и, поманив за собой Дента, скрылся в своей комнатухе. Дент предпочел бы уйти, но знал, что старик по-прежнему переживает, коря себя за хлипкий замок. Ничего страшного, решил он, если задержаться еще на пяток минут.

Налив в щербатую кружку убийственной крепости кофе, Дент осторожно опустился в кресло, памятуя о том, что одна из ножек крайне ненадежна.

– Я слышал, что ты говорил помощнику шерифа, – сказал Голл. – Теперь расскажи мне честно, что ты по этому поводу думаешь на самом деле.

От старика не скрылось, что Дент так и норовит отвести глаза и время от времени дергает себя за мочку уха – верный признак того, что чего-то этот парень недоговаривает.

– Что у тебя на уме?

Голл развернул новую сигару и сунул ее в уголок рта.

– Сегодня утром, прежде чем уйти из дома, я включил ящик и увидел ее в одной передаче. Какое-то утреннее шоу, говорят, оно было записано заранее.

Дент никак не прокомментировал его слова.

– Книжка, которую она написала... «Петля желания», так, кажется?

– Угу.

Старик тяжело вздохнул:

– Понятно.

Дент молча отхлебнул из кружки.

Голл перекатил сигару в другой уголок рта.

– Я ничего не знал про книгу и никогда не принял бы заказ на этот рейс. Да ты и сам знаешь.

– Не вини себя, Голл. Рано или поздно я бы и сам узнал о книжке. По ее словам, она искренне удивилась, что я ничего не слышал про эту самую «Петлю желания».

– Спасибо и на том, что ты меня ни в чем больше не обвиняешь, – отозвался старик. – Хотя я мог бы попрекать себя весь месяц за то, что не положил трубку, когда она позвонила мне и попросила принять заказ, чтобы ты доставил их в клинику. – Немного помолчав, Голл не удержался от вопроса: – Слушай, сам-то ты прочитал эту чертову «Петлю желания»?

– Большую часть прочитал, остальное бегло просмотрел.

– Там рассказано все как есть?

– Очень близко к настоящим событиям. Правда, концовка какая-то двусмысленная, – ответил Дент и, немного подумав, добавил: – Так же, как и на самом деле.

– А что в ней двусмысленного? – проворчал Голл.

– Ты понимаешь, о чем я.

Старик кивнул. Его лицо оставалось хмурым.

– Чему тогда удивляться, что, когда ты помчался за ней вчера вечером, можно было подумать, что ты готов ее убить. Ты хоть догнал ее?

– Догнал, но потом все пошло наперекосяк. – Дент рассказал Голлу о том, что обнаружил в доме Беллами. – Этот ублюдок нашел ее трусики, окунул их в краску и на стене написал угрозы.

– О господи! – произнес Голл и провел рукой по жиденьким волосам. – Думаешь, он сделал это специально? Что тут есть взаимосвязь?

Дент нахмурился и перехватил взгляд Голла, когда тот покосился на изуродованный самолет.

– Все сходится. Ее дом. Мой самолет. Один и тот же вечер. Было бы наивно считать, что это простое совпадение.

Он поставил пустую кружку на стол и встал.

– Куда это ты собрался?

– Поговорить с ней.

– Дент...

– Я знаю, что ты сейчас скажешь: не надо сотрясать воздух, побереги силы.

– Восемнадцать лет назад я посоветовал тебе держаться подальше от этой девицы из семьи Листон. Ты меня не послушал.

– Это другая девица из семьи Листон.

– И она, наверное, такая же гадюка, как и ее старшая сестра.

– Вот об этом-то я и хочу с ней поговорить.

Тишину комнаты нарушил телефонный звонок, и у Беллами тотчас екнуло сердце. Всю ночь и все утро она держала телефон рядом, на расстоянии вытянутой руки, с опаской ожидая звонка Оливии.

– Алло!

– Где вы?

– Кто это?

Дент проигнорировал этот вопрос.

– Чего вы хотите, Дент?

– Сегодня ночью какие-то вандалы изуродовали мой самолет.

– Что?!

– Где вы?

– В офисе отца.

– Я буду там через полчаса. Только не пытайтесь спрятаться от меня. Я все равно вас найду. – С этими словами Дент дал отбой.

Расположенная в семиэтажном здании в деловом центре города компания «Листон Электроникс» занималась разработкой и выпуском высокотехнологичных приборов связи. Все ее служащие носили опознавательные значки, а служба безопасности крайне строго контролировала допуск в здание.

Беллами позвонила дежурившему в фойе охраннику и попросила пропустить к ней Дента.

– Проводите его до кабинета моего отца, – добавила она.

Через двадцать минут секретарша привела к ней Дента. Беллами кивком поблагодарила ее, давая понять, что просит оставить их одних. Сама она осталась сидеть за столом, давая гостю возможность рассмотреть просторное помещение. От нее не скрылось, как его взгляд скользнул по голове лося на стене и стеклянному шкафчику, в котором хранилась отцовская коллекция бесценных резных фигурок из яшмы. Также Дент удостоил внимания и семейный фотопортрет, занимавший большую часть одной из стен. Подойдя ближе, он принялся не торопясь его разглядывать.

Снимок был сделан давно, на Рождество, когда семья в последний раз собралась в полном составе. В центре, на фоне сверкающей огнями рождественской елки, стоял сам гордый отец семейства, Говард. Оливия – в красном бархатном платье и с бриллиантовым ожерельем на шее – держала его под руку. Четырнадцатилетний Стивен позировал, засунув руки в карманы серых фланелевых брюк. Сьюзен сидела впереди всех на роскошном восточном ковре в раскинутой колоколом длинной юбке. Она широко улыбалась, абсолютно уверенная в собственной неотразимости. Беллами примостилась с ней рядом. Улыбки на ее лице не было, она явно стеснялась брекетов на зубах и едва ли не пряталась за черным шотландским терьером, уютно устроившимся у нее на коленях.

– Что случилось с собакой? Скутер, кажется, так его звали? – спросил Дент, повернувшись к Беллами.

– Он дожил до тринадцати лет.

– А ваш брат? Чем он сейчас занимается?

– Вообще-то Стивен мой сводный брат. Мне было десять, ему двенадцать, а Сьюзен четырнадцать, когда отец и Оливия поженились. Стивен уехал из Остина, как только окончил среднюю школу. Поступил где-то на Востоке в колледж и остался там.

Дент в ответ невнятно хмыкнул.

– Что вы имели в виду, сказав, что кто-то изуродовал ваш самолет?

Дент медленно подошел к ее столу и сел, точнее, развалился в кресле напротив. Ему явно было наплевать, что в джинсах и джинсовой рубашке он смотрится инородным телом в стенах, где всем до последнего клерка был предписан строгий дресс-код.

Впрочем, он привык игнорировать дурацкие правила. Дент сцепил пальцы и положил руки на живот.

– Чего именно вы не поняли?

– Прекратите городить чушь! Скажите честно, что с вашим самолетом.

– Прошлой ночью кто-то вломился в ангар и изуродовал его. – Дент описал повреждения. – Это то, что мы обнаружили при первичном осмотре. Голл пока еще не проверил, повреждена ли начинка.

– Сочувствую.

– Вы просто сочувствуете, а для меня это настоящий удар. Получается, что в ближайшее время полетов мне не видать как собственных ушей. А это значит, мне придется сидеть на мели. Для вас... да вы... Черт побери, вам этого не понять!

Разве эта дамочка способна представить себе, что значит остаться без средств к существованию? В ее семье деньги никогда не являлись проблемой.

– Банк не даст мне отсрочки по платежам, пока самолет будет в ремонте. Придется платить за технику, которой я не пользуюсь. Придет время, когда у меня закончатся деньги и я не смогу расплатиться по кредиту. Тогда банк придет и заберет у меня самолет. И вот тогда мне конец. Так что от вашего сочувствия мне никакой пользы.

– И все же примите мое сочувствие, Дент. Поймите, я знаю, что это такое – сидеть без работы.

Дент пристально посмотрел на нее и, сухо рассмеявшись, отвернулся. Когда же он вновь повернулся к Беллами, его взгляд пылал яростью.

– Выходит, вы все про меня узнали. Выяснили, что я сижу на мели. Прониклись жалостью. Что там еще было вчера? Решили бросить старине Денту косточку?

– Я сказала, с какой целью наняла вас.

Дент продолжал буравить ее взглядом, пока она не сдалась:

– Ну хорошо, пусть будет так. Я узнала, что после некоего инцидента вас уволили из авиакомпаний.

– Неверно. Я сам ушел оттуда.

– Заработали пенсию? Получили бонусы?

– Пришлось ими пожертвовать после того, как я предложил им катиться ко всем чертям. – Дент вытянул длинные ноги и выпрямил спину. – Но я здесь не для того, чтобы обсуждать с вами мое финансовое положение. Лучше давайте поговорим о другом: почему кто-то изуродовал мой самолет после того, как вломился к вам в дом и намалевал угрозу на стене вашей спальни.

– Почему вы думаете, что эти два происшествия как-то связаны между собой?

Дент бросил в ее сторону еще один колючий взгляд.

– Готова признать, это действительно странно, – пошла на уступку Беллами.

– Нет, уважаемый писатель, позвольте *мне* сказать вам, что тут странного. Странно то, что, когда вчера вечером я приехал к вам домой, вы были до смерти напуганы. Вы как будто окаменели от ужаса, но категорически отказались вызвать полицию. Вот это действительно странно. Только не надо вешать мне на уши лапшу о том, что вы не хотите шумихи, особенно после того, как сами признались, что рекламируете свою книгу по телевидению. Сегодня утром Голл видел передачу с вашим участием.

– Честное слово, я не хотела никакой шумихи! – возразила Беллами и рассказала ему про Рокки ван Дарбина и газету «АйСпай». – С тех пор как он написал обо мне в своей дрянной газетенке, опубликовал мое фото и раструбил на весь свет, что мой роман основан на реальных событиях, у меня не было ни минуты покоя. Дурная слава мне ни к чему.

– Рассказывайте, рассказывайте, – усмехнулся Дент. – Зато как потом продается книжка! Разве не так?

– Не отрицаю: после того как я выступила на телевидении, продажи резко пошли вверх. У моего творчества появилось немало поклонников.

– И как минимум один враг.

Беллами резко поднялась с кресла и подошла к окну. В течение нескольких секунд она наблюдала за уличным движением. Затем, чувствуя на себе взгляд Дента, обернулась и, подойдя к дивану под семейным фотопортретом, опустилась на обтянутое кожей сиденье.

– Вы знаете, кто это сделал? – негромко спросил Дент.

– Нет, не знаю, клянусь вам! Если бы знала, неужели вы думаете, я бы не попыталась положить этому конец?

– Положить этому конец? Чему *этому*? Что-то случилось еще раньше? До вчерашнего вечера? Что? Когда?

– Это не ваши проблемы, Дент.

– Верно, черт побери, не мои.

Он встал с кресла, придвинул его ближе к дивану и, сев прямо перед ней, оперся локтями о колени и подался вперед:

– Кто-то изуродовал мой самолет. Вот это точно моя проблема.

– Мне крайне неприятно, что я косвенно вовлекла вас в эту историю.

– Вот и я о том же. Мне тоже неприятно.

– Поверьте мне, – вздохнула Беллами, – я искренне сочувствую вам. Я отлично понимаю, почему вы злитесь. Вы имеете полное на это право. Если бы я...

– Но вы этого не сделали, – не дал ей договорить Дент. – Вы действительно втянули меня в это дело, и я, клянусь Богом, выясню, кто виновник. А когда выясню, то прибегать к помощи закона не стану. Сам хорошенько проучу мерзавца. Причем справлюсь с ним без посторонней помощи. А теперь выкладывайте, что происходит.

Беллами поняла – ей так просто не отвертеться: хочешь не хочешь, а придется рассказать ему все. Тем более что она облегчит душу, если поведаст о том, что мучило ее в течение последних недель.

– Все началось еще в Нью-Йорке, – начала она и машинально вытерла влажные ладони о брюки. Заметив, что Дент пристально наблюдает за ней, Беллами сжала пальцы в кулаки и сложила руки крест-накрест.

Денту не надо было объяснять, о чем говорит язык ее тела.

– Боитесь меня? – спросил он.

– Нет.

Пару мгновений он смотрел ей в глаза, а затем спросил, что же, собственно, произошло в Нью-Йорке.

Запинаясь, Беллами рассказала ему о крысе в подарочной коробке.

– Дохлая крыса привела меня в ужас, но, когда я заметила, что она еще жива и подергивает хвостом, я думала, что умру... – Вот и сейчас воспоминания о тех кошмарных минутах заставили ее передернуться от отвращения. Дент встал и, сделав несколько кругов по комнате, потер затылок.

– Что за извращенец... – начал он и, не договорив, чертыхнулся себе под нос.

– Я даже не стала собирать вещи, – продолжила Беллами. – Я бросилась вон из квартиры. Схватила одну лишь сумочку, лишь бы поскорее скрыться из дома. Я остановилась в вестибюле и спросила у консьержа, откуда поступила посылка. Он не смог вспомнить название курьерской службы, а самой машины не видел. Сказал только, что посылку принес какой-то мужчина в форме и бейсболке с логотипом «Янкис». Описать его внешность подробнее он тоже не смог. Тогда я попросила его отправить в мою квартиру человека из службы дератизации и сказала, что уезжаю на неопределенный срок. Затем взяла такси до аэропорта, купила билет на первый же рейс в Остин и вернулась домой.

Я позвонила моему литагенту Декстеру и велела ему отменить на время все ранее запланированные встречи с читателями и интервью. Мне пришлось сразу же прекратить разговор, чтобы избежать объяснений, что, собственно, вынудило меня столь резко остановить вал стремительно нарастающей популярности. После этого я больше не дала ни одного интервью журналистам и всячески отбивалась от контактов с местной прессой. В конечном итоге здешние репортеры оставили меня в покое. – Беллами пожала плечами. – Они отказались от попыток связаться со мной. Стали публиковать другие материалы. Мне это безразлично. Я довольна, что за мной больше не гонятся орды репортеров.

Дент задумался над ее словами.

– Отлично! Значит, вы вернулись в Остин, – произнес он. – Вы рассказали о случае с крысой отцу и мачехе?

– Нет. Они искренне удивились моему неожиданному решению на время уехать из Нью-Йорка. Каково же было их удивление, когда я на второй день после своего возвраще-

ния сняла дом в Джорджтауне. Впрочем, я и сама не ожидала от себя такого! – задумчиво добавила она. – Я сказала им, что устала от Нью-Йорка и хочу немного отдохнуть от безумного ритма большого города. Больше никаких объяснений они от меня не требовали, потому что знали настоящую причину: я хотела быть рядом с отцом в его последние дни. То, что я поселилась здесь отдельно, в своем доме, лучше для всех нас.

Беллами встала и подошла к бару у противоположной стены.

– Хотите воды?

– Не откажусь, – ответил Дент.

Она принесла ему бутылку с водой и, открыв свою, вернулась на прежнее место на диване. Дент сел в кресло.

– Когда именно это произошло?

– Три недели назад, плюс-минус день. Когда я вылетела в Нью-Йорк, у меня было ощущение, будто меня кто-то преследует. Кто-то, кто завидует мне или кого я ненароком обидела.

Беллами замолчала.

– Но?.. – Дент снова подался вперед.

– Знаете, меня не отпускает чувство, будто за мной кто-то следит. Ходит за мной по пятам. Сначала я не обращала на это внимания. Случай с крысой в подарочной коробке вызвал у меня приступ паранойи. Затем, примерно неделю назад, этот кто-то забрался в мою машину, пока я делала покупки в супермаркете. Ничего не украли, но, по мне, пусть это был бы обыкновенный взлом...

– Может, вора вспугнули? Он взломал замок дверцы, но испугался, что его застукают, и убежал прочь.

Беллами отрицательно покачала головой:

– Нет, он успел забраться в машину. В салоне сильно пахло потом.

Даже сегодня при одном только воспоминании об этом случае ей становилось дурно.

Дент нахмурился:

– Он хотел лишь попугать вас тем, что вторгся в ваше личное пространство.

– Это даже страшнее кражи.

Дент откинулся на спинку кресла и отпил из бутылки.

– У вас есть соображения насчет того, кто этот вонючий мерзавец? – спросил он, завинтив крышечку.

– Нет. Но, как вы сказали вечера вечером, скорее всего, это тот, кому не понравилась моя книга. – Беллами поспешила отвернуться, но Дент заметил на ее лице нечто похожее на раскаяние.

– Кажется, я все понял, – произнес он, растягивая слова. – Вы подумали, что это сделал я. И чтобы проверить, так это или нет, решили нанять мой самолет. То, что вы сказали, будто хотели узнать, как у меня дела, это чушь собачья. Вам нужно было узнать другое, уж не я ли тот злобный шутник.

– Дент, я не...

– Оставьте ваши оправдания! – бросил он ей, вставая с кресла. – Неудивительно, что вы каждый раз вся съеживаетесь, как какой-нибудь нежный цветок, стоит мне приблизиться к вам. Вы боитесь, что я на вас наброшусь. – Дент смерил ее насмешливым взглядом. – К вашему сведению, я давно не был в Нью-Йорке. Я никогда не прикасался к крысам, живым илидохлым. Я принимаю душ и пользуюсь дезодорантом и не мог вчера быть в двух местах одновременно. Я был в Хьюстоне с вами, а не здесь, в Остине, в вашей спальне. И если бы в моих руках оказались ваши трусы, поверьте, уж точно не для рисования.

Щеки Беллами вспыхнули от стыда, и она мысленно отругала себя за этот свой недостаток: краснеть по малейшему поводу.

Повисло напряженное молчание. Беллами едва ли не кожей ощущала исходящие от Дента волны ярости.

– Вы закончили? – первой нарушив молчание, тихо спросила она.

– Это надо спросить у вас.

– Что вы хотите этим сказать?

– Вот это. – Дент широким жестом обвел комнату. – Вы закончили делать то, что начали?

– Да, – с непонятной для нее самой опаской ответила Беллами. – Почему вы спрашиваете?

Дент нагнулся над ней и, взяв за плечи, поднял с дивана.

– Список людей, которым могла насолить ваша книга, невелик. Хотелось бы вернуться в ваш дом и при дневном свете все осмотреть. Вдруг найдется что-то такое, что позволит установить личность этого подонка.

Беллами сделала вид, будто сопротивляется, хотя в ее намерения входило сделать то, что он только что предложил, правда, в одиночку, без него, и поэтому позволила вывести себя из кабинета. Когда они вошли в кабину лифта, Дент поинтересовался, есть ли новости из Хьюстона, и, когда Беллами отрицательно покачала головой, предположил, что отсутствие новостей уже сама по себе хорошая новость.

Перекидываясь банальными фразами, они вскоре оказались на нижнем этаже.

На улице солнце светило так ярко, что, выйдя из здания, Беллами на миг зажмурилась. А когда открыла глаза, то заметила Рокки ван Дарбина только тогда, когда тот возник у нее на пути.

– Добрый день, мисс Прайс. Давненько не виделись, – усмехнулся репортер и смерил Дента изучающим взглядом. – Кто этот ковбой? – спросил он, небрежно кивнув в его сторону.

– Что это за придурок?

Глава 5

Вопрос Дента прозвучал с интервалом в долю секунды после вопроса ван Дарбина. Беллами не ответила ни тому, ни другому.

– Что вы здесь делаете? – холодно спросила она репортера.

– Я живу в свободной стране, – уклончиво ответил тот, продолжая смотреть мимо Беллами на стеклянный фасад здания. – Значит, это и есть штаб-квартира вашего семейного бизнеса?

– Это вопрос? Если да, то вы уже знаете ответ на него.

Репортер мрачно усмехнулся:

– Что же меня выдало?

Видя, что он не намерен оставить ее в покое, Беллами решительно шагнула прочь от него.

– Извините, мне надо идти.

Но ван Дарбин явно не собирался ее отпускать.

– Я посягну лишь на минуту вашего драгоценного времени. Мы не видели вас несколько недель, и нам нужно многое наверстать.

В тот вечер, когда Беллами в спешке покинула Нью-Йорк, в номере отеля на Манхэттене нашли мертвой знаменитую рок-певицу, скончавшуюся, по всей видимости, от передозировки наркотиков. Последние несколько дней на страницах газеты «АйСпай» шли споры на тему, что это было – самоубийство или трагическая случайность?

Вслед за этой историей разразился новый скандал, когда некая супермодель заявила, что «неназванный член» британской королевской семьи якобы является отцом ее детей-близнецов. В прессе моментально появились сообщения, что это не более чем рекламный трюк, призванный разбудить общий интерес к ее угасающей карьере. Все это вынудило типов вроде ван Дарбина буквально скакать с континента на континент в поисках новых жертв и «жареных» фактов.

Беллами наивно полагала, что, пока ван Дарбин печет очередные сенсации, его интерес к ней заметно поубавился, если вообще не сошел на нет. То, что он объявился здесь, говорило лишь об одном: эта акула пера не собиралась оставлять ее в покое.

– Нам не о чем говорить, – подчеркнуто холодно произнесла Беллами и зашагала дальше.

Дент не торопясь двинулся вслед за ней, предварительно смерив репортера презрительным взглядом. Беллами испугалась, как бы он не отмочил чего-то такого, что могло бы разжечь у ван Дарбина любопытство. Но нет, Дент наконец догнал ее и зашагал рядом с ней, и у нее будто с плеч гора свалилась.

Увы, ван Дарбин не собирался так просто сдавать позиции, особенно после того, как проделал долгий путь из Нью-Йорка в Техас.

– В моей завтрашней колонке будет опубликовано продолжение материала о вашей книге, – сообщил он. – Несмотря на ваше необъяснимое нежелание давать интервью, она по-прежнему занимает верхние строчки в списках бестселлеров. Можете это как-то прокомментировать?

– Вам известно мое отношение к вашей газетной колонке, – бросила она через плечо. – Без комментариев.

– Вы уверены в этом?

Издавательской нотки в его голосе оказалось достаточно, чтобы Беллами резко развернулась и посмотрела в лицо ван Дарбину. Тот с довольным видом постукивал карандашом по блокноту.

– Скажите, это правда или ложь? – спросил он. – Вы вернулись в Техас, чтобы ухаживать за умирающим отцом в последние дни его жизни?

Боже, с каким удовольствием она влепила бы этому нахалу пощечину! Однако Беллами сдержалась: не хватало еще давать ему повод для скандала.

– Мой отец проходит лечение. У него онкологическое заболевание. Это все, что я могу сказать на данный момент. Надеюсь, его болезнь дает нам право требовать уважения к личным делам нашей семьи.

– Отлично, отлично... – пробормотал репортер, делая записи в блокноте.

– Закончим на этом.

В следующее мгновение Дент взял ее под руку и повел к автостоянке.

– Можно еще один вопрос?

Беллами не удостоила репортера ответом.

– Вы уверены, что отправили за решетку именно того, кто убил вашу сестру? Вы не ошиблись?

Беллами так резко обернулась, что налетела на Дента.

Ван Дарбин буравил ее зловещим взглядом.

– В моей завтрашней колонке я задам этот вопрос читателям. Хотите это как-то прокомментировать?

– Оливия!

Та мгновенно отключила телефон и повернулась к мужу, лежащему на больничной койке.

– Извини, что разбудила тебя. Я не думала, что говорила так громко.

– Я не спал, а просто отдыхал.

На самом деле Говард боролся со сном, боясь, что может никогда уже не проснуться. Он был бы только рад избавиться от боли и покинуть тело, которое пожирало само себя, но он еще не был готов к смерти. Прежде чем отойти в мир иной, ему требовалось уладить кое-какие дела и найти ответы на мучившие его вопросы.

– С кем ты разговаривала?

– С Беллами.

– Она сейчас в офисе?

– Она закончила там дела и просила передать тебе, что все в порядке. – Взяв мужа за руку, Оливия крепко ее сжала. – Боюсь, она раскусила твою хитрость.

– Я знал, что она догадается. Но не сомневался, что она выполнит мою просьбу.

– Вы пытаетесь щадить чувства друг друга и отлично знаете это.

– Я не хочу, чтобы она была здесь и видела, как я умираю. – Говард сжал руку жены, насколько позволяли силы. – Я и тебя хочу избавить от этой неприглядной картины.

Оливия села на край кровати и, наклонившись, поцеловала мужа в лоб.

– Я не оставлю тебя, даже на секунду. Умей я сражаться за тебя голыми руками, я бы так и поступила.

– Нисколько не сомневаюсь.

На мгновение они оба умолкли, глядя друг другу в глаза и притворяясь, будто не замечают слез отчаяния.

Говард никогда не сомневался в любви и преданности Оливии. Ни сегодня, ни в тот день, когда они перед алтарем в присутствии своих детей поклялись в супружеской верности. Тот день, когда они объединили свои семьи и соединили судьбы, стал самым счастливым в его жизни.

Они встретились годом ранее на официальном благотворительном вечере. Говард Листон оказался в числе крупных благотворителей, и в тот вечер его должны были чествовать как самого щедрого участника. Оливия вызвалась регистрировать гостей мероприятия.

Передавая ему карточку с указанием места за столом, она заметила, что на нем криво сидит галстук-бабочка.

Говард неуклюже попытался его поправить.

– У меня нет жены, которая проверяла бы подобные вещи прежде, чем я выйду из дома.

– Мой покойный муж считал, что я идеально завязываю ему галстук. Можно я поправлю ваш? – Оливия отнюдь не заигрывала с ним, она просто встала, обошла стол и поправила ему галстук. Затем вернулась на место и улыбнулась: – Нехорошо выходить за почетным призом с криво сидящим галстуком.

Говард с радостью пообщался бы с ней еще, но его срочно позвали в банкетный зал, где с минуты на минуту должна была начаться торжественная часть. В тот вечер он ее больше не видел.

У него ушла примерно неделя – не говоря о затраченных нервах, – чтобы дозвониться до благотворительного комитета и выяснить ее имя. За те семь лет, что прошли после смерти его жены, он время от времени встречался с другими женщинами. С некоторыми он бывал в ресторанах и даже спал. Правда, никогда не приводил домой, где вместе с ним под одной крышей обитали дочери – Сьюзен и Беллами.

Однако он так ни в кого и не влюбился до того вечера, когда встретил Оливию Макси. Это была любовь с первого взгляда.

Позднее она призналась ему, что в тот вечер сразу влюбилась в него. Упомянув о покойном муже, она сразу дала понять, что свободна. «Самый мужественный поступок моей жизни – обойти стол и поправить на тебе галстук. Мне требовалось прикоснуться к тебе, убедиться, что ты настоящий».

После года ухаживаний они поженились.

Смерть не слишком страшила Говарда. Иное дело, что ему была ненавистна мысль о том, что он навсегда расстанется с Оливией. Точнее, навсегда оставит ее одну. Он был вынужден откашляться, прежде чем смог заговорить снова:

– О чем еще вы разговаривали с Беллами?

– Она спросила, удалось ли мне отдохнуть ночью. Хотела узнать...

– Оливия, – тихо произнес Говард, давая понять, что ей не удастся ничего от него скрыть. – Я не настолько одурманен лекарствами, чтобы не почувствовать, что ты расстроена. Что случилось?

Оливия вздохнула, стараясь не смотреть ему в глаза:

– Этот мерзкий репортер...

– Рокки ван Дарбин? Этот гнусный человечек не заслуживает, чтобы его называли репортером.

– Он подкараулил Беллами, когда она выходила из офиса.

– Так он в Остине? Я был уверен, что он наконец оставил Беллами в покое.

– Боюсь, что нет. Она, как сейчас говорят, по-прежнему на экране его радара. В своей завтрашней колонке он задаст вопрос своим читателям. И в известной степени адресует его ей.

– Какой именно?

– Того ли человека посадили за убийство Сьюзен? Не было ли судебной ошибки?

Говард задумался над ее словами и тяжело вздохнул:

– Одному Богу известно, куда могут завести подобные пересуды.

– Плохо уже то, что стало известно, что автор книги – Беллами.

Как только выяснилось ее авторство, в течение нескольких недель домашний телефон буквально разрывался от звонков: полчища журналистов просили комментариев или разрешения взять интервью. Несколько местных репортеров появились на пороге их дома, другие пытались проникнуть в здание компании Говарда. Оливия и Говард неизменно отвечали отказом и в конечном итоге общаться с представителями прессы поручили своему адвокату.

– Страшно подумать, что историю нашей семьи снова будут полоскать на страницах этого мерзкого таблоида, – заметила Оливия.

Она встала с кровати и, взбудораженная собственными словами, принялась расхаживать по больничной палате.

– Секретарь торговой палаты разрекламировал «Листон Электроникс» как образцовую корпорацию. Где был тогда этот ван Дарбин? Написал он об этом хотя бы строчку? Или когда ты инициировал программу участия сотрудников фирмы в прибылях? И про первое, и про второе – молчок, словно воды в рот набрал.

– Потому что это для него несущественно, этим тираж газеты не поднимешь.

– А вот обстоятельства смерти Сьюзен для этого типа важны.

– Верно. Вот что ужасно!

– Для нас – да. Для нас это трагедия. Для всех остальных – развлечение. Отныне семью Листон будут помнить только в связи с этим непристойным убийством в Остине. – Оливия неожиданно расплакалась. – У меня такое ощущение, что вся наша жизнь трещит и рушится прямо на глазах. Боже, как это невыносимо!

Говард похлопал по краю кровати, предлагая ей сесть. Оливия вернулась к нему, села и положила голову ему на плечо.

– Ты справишься, – нежно произнес он. – Ты со всем справишься. Тебя всегда будут помнить за то, что ты была самой любящей, самой прекрасной женой, о какой только может мечтать мужчина. Сделать тебя моей женой и матерью моих детей – это было самое мудрое решение в моей жизни. – Говард повернул голову и поцеловал ее волосы. – Все твои неприятности пройдут, обещаю тебе.

Какое-то время они сидели, прижавшись друг к другу. Говард сказал ей те слова, которые она хотела услышать: то, что ван Дарбин и подобные ему шакалы вскоре начнут смаковать личные трагедии людей, а до тех пор они будут всячески поддерживать друг друга, как делали все эти годы.

Наконец Оливия выпрямилась и промокнула слезы.

– Есть и еще кое-что. Не хотела тебе говорить, потому что это даже похуже, чем статейки подонка ван Дарбина.

– Что же это такое?

– Беллами с Дентоном Картером.

А вот этого Говард никак не предвидел. Когда Беллами сообщила им, что договорилась о полете на самолете Картера, его это известие ошеломило не меньше, чем Оливию. О некоторых ситуациях было лучше вообще не вспоминать. Но, ощутив враждебность, исходившую от обеих сторон, решил, что больше они его не увидят.

– Я с содроганием думаю об этом. Беллами сказала, что когда они с Дентом Картером выходили из «Листон Электроникс», то натолкнулись на ван Дарбина. Хотя кто знает, вдруг она просто оговорилась, потому что у нее дрожал голос. Потом она затараторила на какую-то другую тему и больше не упоминала о нем.

Говард ободряюще сжал руку жены:

– Кто знает, вдруг есть простое объяснение тому, почему Картер там оказался. Может, он пришел уладить вопрос с оплатой. Ты раньше времени не придумывай себе лишнюю головную боль.

Оливия смерила мужа странным взглядом.

– Что такое? – спросил тот.

– Ты сейчас произнес те же слова, что и тогда, когда Сьюзен начала встречаться с ним, а я пыталась этому воспротивиться. Я не придумываю себе головную боль, Говард. Потому что головная боль – это он сам, а я по-прежнему виню его в том, что случилось с нашей дочерью.

* * *

– Теперь она будет закрываться, – объявил слесарь, проверив новый замок, который он только что врезал в дверь подсобки. После чего отошел в сторону и попросил Дента проверить качество работы.

Тот остался доволен и одобрительно кивнул:

– Спасибо, что пришли так быстро. Сколько я вам должен?

Дент расплатился наличными и даже добавил десять долларов за срочность. Выпустив слесаря через заднюю дверь, он вернулся в гостиную, где Беллами беседовала с двумя полицейскими. Их привел в дом ее телефонный звонок.

Она сидела на диване. Полицейские стояли среди коробок с вещами и разбросанных по всему полу книг. Дент, с его застарелой неприязнью к блюстителям закона, не стал проходить в комнату и стоял на пороге, прислонясь к дверному косяку, откуда мог отлично наблюдать за происходящим.

Из «Листон Электроникс» он поехал вместе с Беллами к ней домой: одним глазом следил за дорогой, другим поглядывал в зеркало заднего обзора. Хотя понимал, что вряд ли ван Дарбин станет лично преследовать их, в этом не было необходимости. У редакции газеты «АйСпай» имелась целая армия добровольных наемников из числа пользователей Интернета, которые вели электронный поиск и следили за жертвами штатных газетчиков. Разнюхать новый адрес Беллами им было раз плюнуть.

Стоило Денту и Беллами переступить порог, как их глазам вновь предстали следы ночного вторжения.

– Поскольку ван Дарбин сейчас в городе, – счел нужным предупредить Беллами Дент, – вам грозит нечто большее, нежели простое внимание прессы. Звоните в полицию.

Беллами без разговоров уступила его требованию. Очевидно, она и сама поняла, что зафиксировать факт вторжения в ее жилище будет совсем нелишне. Два полицейских в форме прибыли уже через несколько минут после ее звонка. Они допросили и Беллами, и Дента, обошли все комнаты, заглянули на задний двор. Затем позвонили своему коллеге и попросили приехать и снять отпечатки пальцев. Тот вскоре прибыл и, выполнив свою работу, уехал.

Вопросы, которые полицейские задали Беллами, были, можно сказать, близнецами тех, что задавал Денту помощник шерифа в ангаре. А именно – содержали намек, будто вандализм вызван чьей-то мстью.

– Вы когда-нибудь ссорились с соседями? Прислугой? Дворником?

Беллами отрицательно покачала головой.

– Может, вы не ладили с коллегами?

– У меня нет коллег.

Один из полицейских повернулся к Денту:

– Вы сказали, что вчера вечером приехали сюда следом за хозяйкой дома, верно?

– Да, вчера я отвез ее на самолете в Хьюстон и привез обратно. Она забыла кое-что в моем самолете, и я отвез ей эту вещь.

Полицейский кивнул и, выразительно выгнув бровь, многозначительно посмотрел на своего напарника.

– Мы... э-э-э... забрали в качестве улики ваше нижнее белье, – сказал он, повернувшись к Беллами. – Чтобы личной вещью написать на стене слова... Знаете, мэм, это наводит на мысль, что злоумышленник хорошо вас знал.

– Или внимательно читал мою книгу.

Лицо полицейского просветлело, и он щелкнул пальцами:

– Точно. То-то я смотрю, что ваше лицо мне знакомо. Вы же писательница. – Он повернулся к напарнику и пояснил: – Слушай, она – знаменитость.

Беллами протянула экземпляр «Петли желания» тому полицейскому, который ее не узнал.

– Здесь описана история убийства. Причем она основана на реальных событиях. Жертвой была моя сестра. Ее трусики стали главным предметом расследования.

– Вам понятен смысл надписи, оставленной зло-умышленником?

– А что тут не понимать? – встрял в разговор Дент. – Этот тип ей угрожает.

Ни один из полицейских не удостоил его ответом. Зато они поинтересовались у Беллами, не получала ли она раньше угроз или предупреждений. Пришлось рассказать им о крысе в подарочной коробке и попытке взлома машины.

– Вы сообщали в обоих случаях в полицию?

– Нет. Я не увидела между ними никакой связи. Это разные штаты. Я решила, что это случайность. Но после произошедшего в моем доме считаю, что они как-то взаимосвязаны и имеют отношение к моей книге.

– Почему вы так думаете?

– Во-первых, время. До публикации книги со мной ничего подобного не случалось. Кроме того, я представить себе не могу, чем навлекла на себя чью-то злобу.

После этих слов возникла довольно долгая пауза. Затем один из полицейских покоился на Дента и сказал:

– Возможно, эти случаи не имеют отношения к вашей книге. Может быть, кто-то из вашего окружения затаил на вас обиду и теперь пытается вам мстить? Ваш бывший муж? Любовник, с которым вы недавно расстались? Любой другой человек?

Дент подумал, что тоже не прочь услышать ответы на эти вопросы.

– Мой бывший муж живет в Далласе, – ответила Беллами. – Наш развод прошел мирно, и мы остались в хороших отношениях. Он снова женился. Я приехала сюда из Нью-Йорка. Здесь я не виделась с ним.

– А с другими мужчинами в Остине вы встречаетесь?

– Нет. Со знакомыми мужчинами у меня исключительно платонические отношения.

Полицейские вновь многозначительно переглянулись. Судя по всему, они решили, что свое дело сделали и им пора идти.

– Мы внесем ваш дом в маршрут наших патрульных машин. Наши сотрудники будут за ним присматривать. Звоните нам сразу, как только заметите что-нибудь подозрительное, даже самые незначительные вещи.

– Спасибо, я так и поступлю.

– Мой вам совет – обязательно установите в доме сигнализацию.

Беллами пообещала, что так и поступит, после чего проводила полицейских до порога. Проходя мимо Дента, они козырнули, правда, с довольно хмурым видом. Они ушли, пообещав держать Беллами в курсе расследования.

– Скорее ад превратится в ледник, прежде чем они кого-то найдут, – проворчал Дент, как только за бюститителями закона закрылась дверь. – Но пусть в полиции хотя бы будет ваше заявление о взломе. Может, и отпечатки пальцев как-то помогут. Этот безымянный ублюдок, что устроил в вашем доме разгром, наверняка где-нибудь да наследил пальчиками.

Дент провел пальцем по порошку, налипшему на колонну винтовой лестницы, затем вытер его о штанину.

– Помощник шерифа точно таким же порошком обсыпал мой самолет. Если этого подонка, который забрался к вам, когда-нибудь арестуют, то они смогут объединить два уголовных дела в одно.

– Как вы думаете, может, стоило рассказать им про ваш самолет?

– Хотите еще глубже втянуть меня в вашу историю? – вопросом на вопрос ответил Дент и покачал головой.

– Нет, не хотела бы.

– Пусть они прежде поймают подозреваемого. Вот тогда мы и поможем им связать все вместе.

Беллами обхватила себя за плечи и посмотрела на лестницу, что вела на второй этаж, в спальню.

– Я успела полюбить этот дом, но теперь он как будто изгажен этим мерзавцем.

– Давайте я приберу. Кстати, а где хозяин дома? Вы сообщили ему о том, что случилось?

– Он в отъезде.

– Уехал из города?

– Он в Афганистане. Служит в армии. После его отъезда жена забрала детей и переехала к родственникам в Аризону. Я сняла этот дом на год. Так что беспокоиться не о чем – я все отремонтирую за свой счет.

Дент вытащил из нагрудного кармана визитку.

– Насколько я понял, шурин слесаря, который врезал замок, занимается уборкой и ремонтом квартир, в том числе и покраской. За умеренную плату и книгу с вашим автографом он приведет дом в божеский вид. Он также сказал, что готов за символическую сумму установить вам сигнализацию.

Беллами взяла карточку:

– Обязательно ему позвоню.

– Только сначала давайте зайдём на кухню.

– А там что? Неужели тоже что-то сломано?

– Нет, просто я проголодался.

Через пять минут они на скорую руку соорудили легкий перекус – бутерброды с арахисовым маслом и холодный чай. Дент надорвал пакет чипсов и предложил их Беллами. Когда она отказалась, он с удовольствием захрустел ими.

– Есть новости из Хьюстона? – спросил он, утолив голод.

– Я с дороги позвонила Оливии. Отец согласился на новый сеанс химиотерапии. Они цепляются за любую надежду, что это хоть как-то поможет ему.

– Вы рассказали ей, что случилось в вашем доме?

– Нет, не стала лишней раз ее волновать. Правда, я призналась ей, что в городе появился ван Дарбин. Очень не хотелось об этом сообщать, но я хотя бы подготовила их. Пусть знают, что в завтрашней колонке в газете могут написать обо мне.

– Про мой самолет рассказали?

– Нет, и не буду.

– Значит, она считает, что мы с вами расстались после того, как вернулись в Остин вчера вечером.

– Вообще-то, рассказывая о том, что наткнулась здесь на ван Дарбина, я проговорила, что в тот момент рядом со мной были вы.

– Интересно, что расстроило вашу мачеху больше – то, что вы наткнулись на этого типа, или что были со мной.

– Не надо меня подначивать, Дент.

– Я не подначиваю. Вчера я вел себя вполне корректно, хотя ваша мачеха всегда относилась ко мне так, будто я кашка в бокале с пуншем. Вчерашний день не исключение. Впрочем, мне наплевать.

– И после этого вы удивляетесь, что она вас не любит.

То же самое Дент мог бы сказать и в отношении Оливии, однако решил промолчать. В конце концов, ее муж умирал, ему оставалось жить считанные дни. Сам он никогда не мучился бессонницей из-за того, что думает о нем Оливия Листон, и не собирался терзаться раздумьями на этот счет.

– Как она отнеслась к тому, что сюда прискакал ван Дарбин и завтра напишет про вас?

– Без особого восторга, – ответила Беллами и, отщипнув кусочек хлеба, принялась перекачивать его между большим и указательным пальцем, наблюдая за его превращением в комочек теста. – И я отлично понимаю ее. На ее месте я бы тоже расстроилась.

– Если вы не хотели расстраивать ваших родителей, зачем было издавать книгу, которая вытащила грязное белье на всеобщее обозрение?

Беллами холодно посмотрела на него:

– Я уже сказала вам зачем.

– Да, сказали. Чтобы сделать неприятный отрезок вашей жизни осязаемым, после чего смять его, как листок бумаги, выбросить и забыть навсегда. Допускаю, что для вас это действительно была неплохая психотерапия. Однако она точно нехороша для тех, кого невольно задела. Что мешало вам излить душу на страницах дневника? Заперли бы его в шкаф и выбросили ключ. Или зарыли бы в саду. Или выбросили в море. Вы же предпочли превратить терапевтическое средство в книжный бестселлер. Почему?

Отодвинув от себя пустую тарелку, Дент поставил локти на край стола и придвинулся ближе к сидевшей напротив Беллами.

– Те из нас, уважаемый автор, что удостоились сомнительной чести стать героями вашей книги, без особой радости обнаружили, что выставлены напоказ.

Беллами встала из-за стола.

– Вы уже высказали свое мнение. Не вижу необходимости выслушивать его еще раз.

Дент тоже встал и, обойдя стол, шагнул к ней.

– Верно. И тем не менее кое-кто страшно зол от того, как вы описали прошлое. Можно сказать, разъярен. И он разъярится еще больше, когда завтра узнает, что дело было не так крепко скроено, как казалось. На убийство Сьюзен он теперь посмотрит другим взглядом. У меня предчувствие, что тот, кто изгадил вашу стену краской, еще не раз напомнит вам о себе.

Беллами пристально посмотрела на него – одновременно испуганно и недоверчиво.

– По-вашему, я не прав? – спросил Дент.

С ее языка едва не сорвался язвительный ответ, но затем она поняла: Дент прав. Беллами опустила голову и кончиками пальцев потерла виски.

– Хотелось бы верить, что это не так. Но боюсь, что да, вы правы.

Дент не стал настаивать на своем.

– Хорошо, – мягко ответил он. – Кто же этот таинственный некто?

– Не знаю.

– Мой вам совет: выясните это прежде, чем он придумает новую пакость.

– Разумно. И с чего мне начать?

– Вспомните всех, кто имеет непосредственное отношение к вашей истории. Начнем с ключевых игроков, переберем их по одному и исключим тех, кому нет резона вам мстить. В результате останется тот, кого есть все основания подозревать.

– Мы? А как же полиция?

– Вы полагаете, эти красавцы станут заново распутывать убийство, совершенное восемнадцать лет назад?

– Но они расследуют и старые, закрытые дела.

– Но не после того, как преступник пойман и осужден.

– Бывает и так, что обвинения снимаются.

– Чтобы возобновить расследование, нужна веская причина. Она у вас есть?

Беллами отрицательно покачала головой.

– Верно. Хотите знать мое мнение? Они будут ждать такого момента, когда на вас нападут или, что еще хуже, вас убьют, и только после этого отнесутся к делу серьезно. Готов поспорить: эти увальни решили, будто все это как-то связано со мной. И вы думаете, что я прав. Потому что в противном случае вы непременно рассказали бы полицейским всю эту отвратительную историю, пока они находились здесь. Но вы не стали этого делать, поскольку не верите, будто они способны докопаться до самой сути. Вот и я тоже не верю. Из чего следует – нам придется самим заняться поиском истины.

– Вы знакомы с методами работы полицейских?

– Я знаю только то, что не доверяю им.

– Значит, вы бросите все свои дела и...

– Надеюсь, вы не забыли, что мои дела обстоят сейчас не самым лучшим образом, если не сказать паршиво. Совсем паршиво. Мне нечем заняться, и у меня есть свой интерес – очень хочу отыскать этого мерзавца. Пусть только попадет ко мне в руки. Я проломлю ему голову за то, что он сделал с моим самолетом.

– Очень мило. Рассчитываете, что я стану соучастницей?

– Уясните для себя раз и навсегда, Беллами, – заявил Дент, глядя ей в глаза. – Я не привык играть по правилам. Не играю и никогда не играл.

Она выдержала его пристальный взгляд.

– Отлично. Но мы хотя бы будем помогать друг другу. Пока. Итак, с чего начнем? Вернее, с кого?

Он подошел к креслу, с которого она только что встала, и подвинул ближе, предлагая ей сесть.

– Мы начнем с вас.

Глава 6

– С меня? – удивилась Беллами.

– Вы были близки с Сьюзен, как никто другой. Тот день вы провели рядом с ней, практически до того момента, когда ее убили. Расскажите мне обо всем, что тогда произошло. Хочу услышать вашу точку зрения.

– Я сделала это вместе с моим главным персонажем. Через восприятие двенадцатилетней девочки.

– Длинные абзацы я лишь пробежал глазами, внимательно читал только диалоги.

– Но вы ведь знаете, что произошло на самом деле.

– То, что осталось за кадром, мне неизвестно.

– Об этом говорится в длинных абзацах.

– Есть что-то такое, чего мне лучше не знать?

– Нет, конечно же, нет.

– Отлично. Если вы не забыли, на вашем пикнике меня не было. Хотелось бы узнать подробности.

– Что мешает вам снова взять в руки книгу и найти отрывки, которые пропустили.

– А вам трудно их мне пересказать?

Беллами сердито прикусила губу. Дент склонил голову набок: мол, давайте, я весь внимание. И Беллами заговорила, как будто опасалась, что если не сделает этого сейчас, то вообще передумает:

– За два года до этого отец решил устроить для сотрудников компании грандиозный пикник на День поминовения. Это была первая вечеринка, которую они с Оливией устраивали как супруги. Отец хотел воспользоваться возможностью представить всем Оливию как новую миссис Листон, а Стивена как своего пасынка.

Дент поднял руку, призывая ее внимание.

– Подробности, мне нужны подробности. Если ваш отец признал его, то почему не дал ему свою фамилию?

– По-моему, Оливия была против. Да и Стивен хотел сохранить фамилию покойного отца.

– Гм. Ну хорошо. Значит, пикник совпал с праздником. Свиная рулька и ребрышки, бочонки пива, живая музыка, танцы. Звездно-полосатые флаги.

– Мороженое. Фейерверк в полдесятого вечера.

– Настоящая вечеринка.

– Но нашлись и клеветники. – Беллами провела кончиком пальца по капелькам влаги на стакане с холодным чаем. – В то утро за завтраком произошла ссора. Стивен не хотел идти на пикник, называл это глупой затеей. На что Оливия возразила ему: глупая затея или нет, он пойдет обязательно. Сьюзен вела себя как последняя стерва, потому что... – Беллами посмотрела Денту в глаза. – Из-за той ссоры с вами, Дент.

– Я приехал на мотоцикле рано утром...

– И всех разбудили.

– Кто-то должен ведь был открыть ворота, чтобы я заехал внутрь.

– Это была я.

– Вот видите! Деталь, которую я не запомнил. В любом случае мне пришлось приехать рано потому, что Сьюзен не ответила на мой звонок. Я не хотел оставлять голосовое сообщение на телефоне, но был вынужден сказать ей, что опоздаю на пикник.

– Вы собирались куда-то лететь вместе с Голлом.

– Верно. Голл занимался ремонтом самолета, который принадлежал его знакомому, и хотел что-то там проверить. Он спросил, не желаю ли я составить ему компанию. Я с радостью согласился и сказал Сьюзен, что, как только освобожусь, сразу же прикачу к ней.

– Однако все прошло не так гладко.

– Мягко говоря. Ваша сестрица взъерепенилась и поставила мне ультиматум: отвезти ее к самому началу пикника или вообще не приезжать. Я сказал ей, что собрался лететь с Голлом. В ответ на это она заявила, что прекрасно проведет время и без меня.

– Сьюзен была в ярости. Она сказала мне... – Беллами на мгновение замолчала, но затем продолжила: – Сказала, что скорее умрет, чем будет играть вторую скрипку этому противному старикашке.

Ее высокопарные слова заставили обоих на миг замолчать, после чего Беллами заговорила снова:

– Сьюзен решила проучить вас. Несмотря на протесты отца, она прикатила в парк на своей машине и оказалась там раньше нас. Помню, я тогда подумала, что она шикарно выглядит. На ней был новый сарафан, который специально для этого случая купила ей Оливия. Голубой, под цвет ее глаз. Ноги – гладкие и загорелые. Волосы – золотистые и блестящие, абсолютно роскошные. Скажу честно, в ней мне все казалось совершенным, – негромко рассмеялась Беллами. – Наверное, потому, что я сама была далека от совершенства.

– Вы заметно похорошели с тех пор, – сказал Дент, сопроводив комплимент выразительным взглядом.

Беллами покраснела:

– Я не напрашиваюсь на комплименты.

– Тем не менее одного вы удостоились.

– Благодарю вас.

– Не за что, – насмешливо улыбнулся Дент, но поспешил вернуться к серьезному разговору: – Значит, Сьюзен оказалась там раньше всех.

– Да, вопреки желанию отца и Оливии приехать всем вместе и показать себя дружной, крепкой семьей. Моя сестра любила настоять на своем. Я восхищалась непокорностью Сьюзен, так как была полной ее противоположностью. Всегда слушалась старших, всегда делала то, что мне говорили родители. То есть была в семье такой Мисс Образцовое Поведение.

– Миротворцем от рождения?

– Скорее трусихой. Я была ужасно счастлива, когда у меня снова появилась мама, и не хотела, чтобы что-то омрачало наше семейное счастье.

– Сколько вам было, когда умерла ваша родная мать?

– Мне – три. Сьюзен – семь. Мама оставила нас на попечение экономки, а сама отправилась за покупками. Он скончалась прямо в супермаркете. Аневризма головного мозга. Надеюсь, что она не мучилась. – Немного помолчав, Беллами добавила: – Наверное, ей была бы невыносима мысль о том, что она умирает и оставляет нас одних.

– Вы хорошо ее помните?

– Иногда мне кажется, что помню, – задумчиво отозвалась Беллами. – Но возможно, эти образы сложились в моем сознании из смутных детских воспоминаний и рассказов отца. Когда я пошла в школу, в классе у меня единственной не было матери, что выделяло меня из остальных детей. Меня это задевало. Я страшно обрадовалась, когда отец и Оливия поженились.

– Сьюзен тоже?

– Она отнеслась более настороженно. Ведь она была старше и помнила нашу маму. Но, к чести Оливии, она была очень тактична с нами и предельно терпелива. Так же как и со Стивеном, который неожиданно перестал быть единственным ребенком, и теперь ему приходилось делить материнскую любовь с двумя сводными сестрами. Сейчас, когда я сама

взрослая, мне понятно, как это тяжело – воспитывать троих детей, двое из которых неродные. К счастью, серьезных проблем не возникало.

В сравнении с семейным прошлым Беллами семейное прошлое Дента сильно проигрывало. Ему не хотелось даже думать о том, кем бы он стал, не возьми его в какой-то момент Голл под свое крыло.

Он снова опустил в кресло и сложил руки на груди, ожидая продолжения ее рассказа.

– Значит, Мисс Образцовое Поведение отправляется на пикник.

Беллами моргнула.

– И не в новом сарафане, обратите внимание, а в белых брючках, которые болтались на попке, и в красном топике с бретельками, которые постоянно сползали с моих костлявых плеч. – Беллами нервно и с каким-то самоуничижением хихикнула. – Тогда я была таким гадким утенком.

Дент улыбнулся, вспомнив, какой нескладной она выглядела в те годы.

– Помню, как-то раз мы со Сьюзен зашли в кухню, где вы сидели за столом и делали уроки. Сьюзен за ваше излишнее усердие к наукам обидно обозвала вас зубрилкой. Вы предложили ей заткнуться, однако она продолжала вас дразнить. Тогда вы схватили рюкзачок...

– Полный цветных карандашей. Я как раз разрисовывала карту Европы.

– ...и швырнули им в нее. Правда, при этом опрокинули стакан с молоком, расплакались и убежали из кухни.

– Поверить не могу, что вы это до сих пор помните. – Беллами закрыла лицо руками. – Это было так унижительно.

– Почему? Сьюзен следовало бы отшлепать за то, что она издевалась над вами. Помоему, вы поступили очень даже мужественно, не позволив ей взять над вами верх.

– Но я не сдержалась и пролила молоко. В вашем присутствии. Это было хуже всего.

– Все потому, что вы были в меня влюблены.

Беллами стала красной как рак.

– Вы это знали?

– Чувствовал, – пожал плечами Дент.

– О господи! Вы меня ошарашили. Мне казалось, вы в упор меня не замечаете, как будто не знаете о моем существовании.

Но он знал. Однако до Дня поминовения ее детская влюбленность была ему безразлична. После же она обрела значение, которое не давало ему покоя даже сейчас.

Но он решил, что ничего ей не скажет, пока она не признается первой.

– А что вам во мне нравилось? – улыбнулся Дент.

– Что вы гораздо старше. Вам было уже восемнадцать. Вы гоняли на мотоцикле, летали на самолетах, нецензурно выражались. Нарушали все мыслимые правила и приличия. Мои родители считали вас невоспитанным хулиганом.

– Они были правы.

Беллами непринужденно рассмеялась:

– Вы были плохим и опасным парнем. Классическая мечта любой примерной и послушной девушки.

– Неужели? – Дент подался немного вперед и заговорщически понизил голос: – А что вы думаете обо мне теперь?

Беллами мгновенно посерьезнела и несколько секунд пыталась выдержать его взгляд.

– Я до сих пор считаю вас опасным, – тихо ответила она.

После этих слов она быстро встала и начала убирать со стола посуду.

Дент проводил ее глазами, отметив про себя, что брюки больше не болтаются на ней сзади, а грудь давно приняла женственные формы. Бюст не слишком пышный, но тем не менее красивый.

И еще она отрастила волосы. Густые, темные и блестящие. Они колыхались при каждом ее шаге, а отдельные пряди касались груди – небольшой, но от этого не менее соблазнительной. Дент ощутил приятное возбуждение.

Вчера, когда она сняла солнечные очки, он обратил внимание, что у нее светло-голубые глаза и длинные черные ресницы. Прекрасную кожу нисколько не портила даже россыпь веснушек на носу и скулах, нахально контрастирующих со строгими чертами лица. В иное время он не удержался бы и отпустил шутку в адрес веснушек и способности по-девичьи краснеть по малейшему поводу.

Интересно, что могло произойти между ней и ее бывшим мужем и был ли их развод действительно мирным, как она уверяет?

Тем временем Беллами вернулась и, сев напротив Дента, заговорила снова, как будто догадалась, о чем он сейчас думает:

– Пикник прошел именно так, как вы описали. Сьюзен была душой вечера, и никто не находил в этом ничего необычного. Но в тот день она как будто магнитом притягивала к себе всеобщее внимание.

– Ей хотелось, чтобы мне потом про это рассказали.

Беллами утвердительно кивнула.

– Она громко смеялась по любому поводу и танцевала со всеми мужчинами, независимо от возраста.

– Алан Стрикленд.

– Верно. Они в тот день уединились – после того как Сьюзен изрядно выпила. Вместе с группой ребят и девушек постарше она ушла из главного павильона. Они всей гурьбой отправились в рыбацкий домик. Прихватили с собой пива, и Сьюзен там изрядно набралась.

Мучимая любопытством и, признаюсь, ревностью, я отправилась следом, чтобы проследить за ними. Сьюзен меня заметила и пригрозила убить, если я расскажу отцу или Оливии. Я пообещала ничего им не говорить, но если она будет пить и дальше, то родители все равно сами догадаются по ее поведению. Она велела мне убираться прочь. Я так и поступила.

– Вы рассказали родителям?

– Нет. – Беллами задумчиво провела пальцем по ободку стакана. – О чем позднее пожалела. Не будь она пьяна, ну, или почти пьяна, она бы даже не взглянула на такого типа, как Алан Стрикленд.

– Почему вы так считаете?

– Типичный «синий воротничок». Необразованный работяга.

– Разве я им не был?

– Вы... вы были другой.

– Я гонял на мотоцикле и летал на самолетах. Он был водителем грузовика. Думается, разница между нами состояла только в видах транспорта.

– В обоих случаях это было круто.

– Верно. Продолжайте.

– Хотите знать, где находилась я?

– Вы винули себя за поступки Сьюзен. Зря вы это делали. В тот день она сама сделала свой выбор.

– Но она была моей сестрой. Я должна была остановить ее.

– Как, по-вашему, она стала бы так беспокоиться о вас?

Беллами опустила глаза, не желая развивать дальше эту тему. Как говорится, что было, то прошло.

– Я вернулась в главный павильон, где старалась не привлекать к себе особого внимания. Компания Сьюзен начала по одному возвращаться из рыбацкого домика. Когда же она не пришла вместе с остальными, я забеспокоилась. Вдруг она напилась и ее тошнит?

И тогда я снова отправилась в рыбацкий домик, чтобы проверить, так это или нет. Или... – Беллами закрыла глаза и потерла виски, – или я путаю это с тем, что произошло позднее? – Она легонько встряхнула головой. – Все было так давно, что я боюсь запутаться в последовательности событий.

– В своей книге вы изложили ее без труда, – заметил Дент, пристально глядя на нее. – Ваша героиня оставалась в павильоне до того момента, пока не обрушился торнадо, и лишь тогда вернулась в рыбацкий домик.

– Верно, – неуверенно согласилась с ним Беллами и добавила уже более решительным тоном: – Верно. – Она нахмурила брови и, немного помолчав, заговорила снова: – Сьюзен вернулась в павильон в числе последних. Она была такая красивая. На большинство женщин, когда те перепьют, противно смотреть, но мою сестру алкоголь сделал... э-э-э... более привлекательной. Алан Стрикленд пригласил ее на танец. Сам он прекрасно танцевал. Был из тех мужчин, что от природы наделены грацией, все движения давались ему легко и непринужденно. Алан прекрасно владел собственным телом и умело вел партнершу. Ну, вы сами знаете.

– Вообще-то нет, – сухо ответил Дент. – У меня нет привычки наблюдать за танцующими мужчинами.

– Тогда поверьте мне на слово. Он был хорошим танцором. Сьюзен тоже. Одна мелодия сменяла другую, а он по-прежнему оставался ее партнером. Их движения выглядели откровенно сексуальными, это отметили все. Он крепко прижимал ее к себе, ее же это совершенно не смущало. Скорее напротив.

Погруженная в воспоминания, Беллами вновь на минуту замолчала.

– Они так недвусмысленно прижимались друг к другу на танцплощадке, что никто не удивился, когда Алан Стрикленд стал первым, кого допросила полиция.

– Вот тут вы ошибаетесь, уважаемый автор, – сердито произнес Дент. – Первым номером в их списке был я.

В эти минуты в нескольких сотнях километров от них Дейл Муди, бывший детектив из отдела расследования убийств полицейского управления Остина, вспоминал, как проводил первый допрос Дентона Картера. Все последующие годы он помнил его настолько отчетливо, как будто это произошло вчера. Казалось, кто-то прокручивает в его голове магнитфонную запись.

– Сынок, ты нам расскажешь всю правду, потому что мы рано или поздно до нее докопаемся. Ты избавишь себя от неприятностей и добьешься доброго к себе отношения, если облегчишь себе душу чистосердечным признанием. Ну, что ты на это скажешь?

– При чем здесь я? Я понятия не имею, о чем вы.

– Ты и Сьюзен улизнули в лес, чтобы уединиться. Верно? Вы могли разгорячиться, ну, сам знаешь, как это бывает. Потом, как это часто делают девушки, она сказала: «Стоп, на большее не рассчитывай». Черт побери, Дент, я прекрасно понимаю, что ты мог разозлиться. Я тоже терпеть не могу, когда со мной так поступают.

– Может, с вами так и поступают, и даже часто. Но только не со мной. Ничего такого на этом пикнике не было, потому что там не было меня.

– Был, Дент, еще как был!

– Когда обрушился смерч, меня там не было. Я еще раньше улетел вместе с Голлом. Если не верите, спросите у него.

– Я как раз отправил коллегу, и он сейчас с ним беседует.

– Тогда к чему эти разговоры? Я не присутствовал на пикнике, и я не убивал Сьюзен. Она была моей подругой.

– С которой у тебя в то утро вышла ссора.

Пауза.

– Ее родные рассказали мне о ней, Дент. Они утверждали, что видели все собственными глазами. Сьюзен убежала в дом и захлопнула дверь. Ты сразу уехал прочь на мотоцикле. Да или нет? Так это было или не так?

– Да, так. И что из этого?

– Из-за чего вы с ней поругались?

– Из-за того, что я не мог пойти с ней на пикник. Именно это я и пытаюсь вам растолковать. Меня, хрен бы вас побрал, там не было!!!

– Следи за словами, парень. Ты знаешь, с кем разговариваешь?

– Извините. Если вам не нравится, могу сказать иначе: нет, мурак, не было меня там.

Дейл прищелкнул языком, как будто перематывая запись назад. Он знал этот диалог наизусть. Как и все прочее, что имело отношение к делу Сьюзен Листон, он навсегда остался в его памяти. Стал его вечным проклятием. И даже если он не совсем четко помнил ту или иную деталь, теперь мог отыскать ее в зачитанном до дыр экземпляре «Петли желания». Чем в данный момент и был занят. Дейл сидел, перелистывая страницы книги, пока не нашел эпизод, в котором описанный с него персонаж пытается выбить признание из приятеля жертвы. Беллами Листон в той комнате для допросов не было, но как близка, черт возьми, она оказалась к тому, как все происходило.

Фактически каждый эпизод в ее книге выглядел пугающе правдивым. Автору не откажешь в таланте: она умеет строить сюжет так, что читатель торопливо глотает страницу за страницей. Жаль только, что ее увлекательная история была *этой* историей. *Его* историей.

Об этой книге он узнал по чистой случайности. Его телевизор был запрограммирован на утренние новости. Он ждал, пока будет готов кофе, и не следил за тем, о чем разговаривали в студии телеведущий и его гостья. Но как только до него дошло, что хорошенькая писательница – это Беллами Листон Прайс, давно повзрослевшая, симпатичная, модно одетая, он оставил все свои дела и прислушался, о чем она говорит.

Говорила она о своем романе, действие которого вертелось вокруг убийства шестнадцатилетней девушки, произошедшее во время пикника по случаю Дня поминовения. У Дейла заурчало в животе, и к тому моменту, когда интервью закончилось, он уже боролся с подкатившей к горлу тошнотой. Это наружу просился выпитый накануне в изрядном количестве виски. Слава богу, его не вырвало, но кислый вкус во рту остался.

В конце концов он взял себя в руки и съездил в ближайший «Уолмарт», где купил экземпляр книги. А как только вернулся домой, сразу же начал ее читать. Книжка оказалась не так плоха, как он опасался.

Она была еще хуже.

Ему как будто вспороли живот острым инструментом, вроде тех, которыми пользовались в Средние века инквизиторы, а его кишки вывалились наружу на обозрение всем, кто пожелал бы покопаться в них.

Трясущимися руками Дейл закурил, налил стакан виски, взял пистолет и вышел на переднее крыльцо, недостойное так называться, – уродливое дощатое сооружение, перекосившееся от времени и непогоды. Столь же неприглядным был и сам дом – старый, неухоженный, с каждым новым днем ветшающий все больше и больше.

То же самое можно было сказать и о его владельце. Интересно, чему раньше настанет конец, подумал Дейл, его крыльцу, его легким или его печени?

Если ему повезет и крыльцо обрушится под ним первым, то он, упав, свернет себе шею и мгновенно отойдет в мир иной. Если у него обнаружится рак легких, то он уступит сразу же, отказавшись от борьбы. То же самое касается и цирроза печени. Если же ничего такого в скором будущем не произойдет... Тогда одна надежда на верного друга, револьвер «смит-энд-вессон», который всегда был у него под рукой.

Когда-нибудь настанет такой день, и ему хватит мужества сунуть ствол в рот и нажать на спусковой крючок. Несколько раз, сильно напившись, Дейл играл в русскую рулетку, но всегда выигрывал. Или проигрывал. Это с какого бока смотреть.

Стоял жаркий душный полдень, и тягучую тишину нарушал лишь стрекот цикад. Тень от жестяного козырька над крыльцом почти не спасала от изнуряющей жары. Сквозь стену кипарисов неподвижная водная гладь озера Каддо казалась похожей на огромное бронзовое блюдо.

Дом, в котором Дейл в одиночестве обитал вот уже пятнадцать лет, стоял на густо поросшем лесом полуострове. Бухточка, которую образовывал полуостров, была темной и слегка зловещей: окруженное низким пологом поросших мхом деревьев пятно заболоченной воды. Лишь немногие рыболовы отваживались появляться в этой огромной неприветливой луже. Дейлу Муди это место нравилось именно по причине его – уединенности. Одиночество – вот к чему он стремился, когда купил этот дом, заплатив наличными и составив документы на человека, чье имя прочитал на могильной плите столетней давности.

Дейл опустил в скрипучее кресло-качалку, отпил виски и, затянувшись сигаретой, подумал о том, как приятно чувствовать вес лежащего на бедре заряженного пистолета.

Он сидел неподвижно, не раскачиваясь в кресле, и задавал себе ставшие привычными вопросы о том, как изменилась бы его жизнь, не будь в тот день убита Сьюзен Листон. Стал бы он тогда уважаемым детективом, как орешки щелкающим убийства? Получил бы повышение по службе, удостоился бы рукопожатия мэра? Остался бы в остинской полиции до выхода на заслуженный отдых? Был бы по-прежнему женат, имел бы хорошие отношения с детьми? Виделся бы со своими внуками?

Но в тот ужасный день восемнадцать лет назад Сьюзен Листон нашли убитой. Причем убийство это совпало не только с праздником, но и с природным катаклизмом. Первый торнадо, обрушившийся на Остин за последние полвека, за короткое время превратил жизнь города в суший ад, неся с собой огромные разрушения и даже человеческие жертвы. В числе наиболее пострадавших мест был и национальный парк-заповедник, где Листоны устроили корпоративный пикник.

Гости настолько приятно проводили время, что лишь немногие обратили внимание на грозные облака, а если и обратили, то понадеялись, что дождь не помешает намеченному на вечер фейерверку. Увы, вскоре даже самые отъявленные гуляки заметили, как внезапно потемнело, как упало давление, как опустилась неестественная тишина, а небо приобрело зеленоватый оттенок.

Родители тут же принялись собирать детей, которые успели разбежаться по разным уголкам парка. Музыканты прекратили играть и взялись собирать и относить инструменты и аппаратуру в микроавтобус. Официанты накрыли крышками подносы с картофельным салатом и печеными бобами.

Увы, все эти меры предосторожности оказались тщетными перед лицом надвигающейся катастрофы. Как потом говорили эксперты, даже будь у людей время на то, чтобы предпринять более действенные меры безопасности, это не спасло бы их от смерча, который двигался полосой шириной в полтора километра, и порывов ветра, обрушившихся со скоростью триста двадцать километров в час.

Остин лежит к югу от географической полосы, именуемой Дорогой торнадо. Неудивительно, что местные жители, в отличие от своих северных соседей, в полной мере не осознавали грозившей им опасности. Они, конечно же, видели фотоснимки разрушений. Смотрели фильмы на эту тему и удивлялись самому суровому и непредсказуемому детищу матери-природы.

Однако было невозможно подготовиться к мощи и ярости, на которую оказалась способна воронка смерча. Это можно понять, лишь испытав на собственной шкуре. Те, кому

довелось пережить смерч, предпочитали не слишком распространяться на эту тему. Горстка глупцов, проигнорировав вой сирен, беспечно вышла из домов, чтобы поглазеть на редкое зрелище. Двое исчезли сразу же, больше их никто никогда не видел. Тела несчастных так и не нашли.

Количество жертв в городе составило шестьдесят семь человек. Девять из них были обнаружены на месте пикника в парке-заповеднике.

Через двенадцать часов после смерча в городе все еще действовало чрезвычайное положение. Весь округ Тревис был объявлен зоной бедствия. Полиция города и округа, а также пожарные части вели поисково-спасательные работы. В них также были задействованы сотрудники Красного Креста, подразделения национальной гвардии и многочисленные добровольцы.

Люди работали не покладая рук: помогали родственникам отыскать друг друга, искали пропавших без вести, выносили тела мертвых. Пострадавших отправляли в медицинские учреждения. Прилагали все усилия для восстановления закона и порядка там, где действовали мародеры. Возводили временное жилье для тех, кто лишился крова. Расчищали завалы на дорогах.

На рассвете следующего дня, после поистине кошмарной ночи, Дейла вызвали в морг, который, учитывая состояние дел, стал для правоохранителей главной головной болью.

Увы, устал ты или нет, но начальству не скажешь «нет». Когда Дейл приехал в морг, его встретил старший судмедэксперт, который в буквальном смысле еле передвигался от усталости. Его подчиненные сбились с ног от количества мертвых тел, а те все продолжали и продолжали поступать. Часть из них были изуродованы настолько, что не поддавались опознанию, – задача не из легких даже для самых циничных и закаленных профессионалов.

Дейл ломал голову, не зная, что вынудило судмедэксперта ни свет ни заря вытащить его из постели и заставить ехать в городской морг.

– Мы с вами занятые люди, детектив, так что не буду отнимать у вас время. К нам доставили труп девушки. Не старше двадцати лет. Ее тело нашли в парке-заповеднике.

– Она была на корпоративной вечеринке «Листон Электроникс»?

– Она дочь Листона.

– О боже!

– Мне сказали, что ее тело нашли под ветками вывороченного с корнями дерева. Но я позвал вас, детектив, не потому, что ее раздавило упавшим деревом, а по совсем другой причине. Травмы, полученные ею во время торнадо, были посмертными.

– Как это?

– Причиной смерти была асфиксия. Ее задушили.

– Вы уверены в этом?

В ответ судмедэксперт показал на труп.

– Синяки на шее свидетельствуют об удушении. Там, где на коже порезы и ссадины от веток упавшего дерева, не видно следов крови. Имели место также травмы внутренних органов, которые наверняка привели бы к летальному исходу, но к тому времени она уже была мертва.

О печальном известии родителям девушки пришлось сообщить Дейлу. Убитые горем отец и мачеха едва держались на ногах, оплакивая погибшую дочь, которая, как они считали, стала жертвой смерча. Увы, правда оказалась гораздо страшнее. Когда же им сказали, что их дочь стала жертвой убийцы, они едва не лишились рассудка.

Их личная трагедия вылилась в расследование, которое поручили Дейлу Муди.

Прочесать сантиметр за сантиметром место преступления в поисках возможных улик оказалось делом безнадежным. Торнадо в буквальном смысле перевернул парк вверх дном. Деревья, которые вихрь не выкорчевал из почвы, стояли голые, без веток, напоминая воткну-

тые в землю огромные зубочистки. Чтобы добраться до места преступления, следователям пришлось разгребать груды обломков. Но что еще хуже, все вокруг было вытоптано теми, кто, как только торнадо прекратился, пытался отыскать здесь своих пропавших родственников.

Если преступник замыслил убийство заранее, то смерч стал его невольным сообщником, прокатившись колесом разрушений по тому месту, где он лишил жизни Сьюзен Листон.

Дейл и другие детективы постарались допросить всех, кто присутствовал на пикнике и находился поблизости от места преступления в предполагаемое время убийства. Они опросили всех, кого только могли. Па-виль-он, в котором проходила вечеринка, и рыбацкий домик оказались полностью разрушены. По ним как будто прошлись гигантским катком. Присыпанная гравием автостоянка, где было припарковано примерно две сотни автомобилей, превратилась в апокалиптический пейзаж: груды искореженного металла и горы битого стекла.

Те, кому посчастливилось избежать смерти, получили серьезные травмы. Многие госпитализировали с повреждениями внутренних органов, ушибами головы, сотрясением мозга, различными переломами, порезами и в состоянии глубокого шока. Чтобы найти и допросить всех, кто там тогда находился, потребовалась примерно неделя.

В это время Дейл допрашивал Дентона Картера.

Будучи приятелем Сьюзен, с которым та поссорилась в то утро, этот парень оказался первым в списке подозреваемых. Сначала Дейл и его коллеги решили, что он именно тот, кто им нужен, тот самый преступник. Тем более что этот восемнадцатилетний грубиян, который всего неделю назад окончил школу, не слишком ладил с законом. Это Дейл узнал от его одноклассников.

– Дент умный юноша, – поведал Дейлу один из учителей. – Он окончил школу с неплохими оценками, и из него вышел бы толк, приложи он усилия к учебе. Но с этим была проблема. Учиться парень не желал и всегда держался вызывающе.

Дейл имел возможность лично убедиться в этом, когда пригласил Дента Картера на допрос. Когда тот начал грубить и нецензурно выражаться, Дейл отправил его в камеру, полагая, что ночь за решеткой немного остудит его пыл и заставит попридержаться язык. Однако на следующее утро Дент, когда его выпустили, с ухмылкой посмотрел на детектива и показал средний палец.

Дейлу ужасно не хотелось выпускать этого поганца, однако у него не было оснований для дальнейшего содержания его под стражей. И в тот раз, и через несколько дней, когда уже провели тщательное расследование и неоднократные допросы. Дент не добавил ничего нового к тому, что он сообщил Дейлу Муди в первый раз. На пикнике его никто не видел, а старик, работавший на аэродроме, подтвердил его алиби. Дейлу не оставалось ничего другого, как отпустить Дента Картера.

Его интерес переместился на Алана Стрикленда.

Дейл взял пистолет и, задумчиво взвесив его на ладони, мысленно перечислил все факты, что указывали на Стрикленда. Для того чтобы его обвинить, оснований нашлось предостаточно. Однако не было ни единого твердого доказательства, что девушку убил именно он.

Окружной прокурор Остина распорядился завести уголовное дело, а прокурор Руперт Кольер, известный кровосос, построил обвинение на основании косвенных улик. Обвинительную речь он произнес с рвением уличного проповедника-евангелиста. Как будто в страхе перед геенной огненной в том случае, если они не приговорят обвиняемого к наказанию, суд присяжных после двух часов обсуждения вынес обвинительный вердикт.

Алана Стрикленда отправили в тюрьму.

Дейл Муди ушел в запой.

Восемнадцать лет спустя Беллами Листон Прайс написала книгу, которая укрепила Дейла в его сомнениях по поводу трагедии, что разыгралась в парке в тот день, когда на Остин обрушился смерч.

А еще Дейла страшно злило, что эта чертова книга могла заронить сомнения в умы и других людей. Конец ее оставлял богатую пищу для размышлений. Вдумчивый читатель мог задаться вопросом: что, если расследование было проведено спустя рукава, с нарушениями закона, а амбиции окружного прокурора перевесили скромные доводы защитника обвиняемого? Что, если на самом деле Алан Стрикленд не убивал Сьюзен Листон?

Неудивительно, что Дейл каждый день мысленно возвращался к делу об убийстве Сьюзен Листон. Но это он. Не дай бог, чтобы так поступал кто-то другой.

Правда, если что и грело ему душу, так это мысль о том, что своей книгой Беллами Прайс наверняка насолила Рупу Кольеру, а ведь Руп теперь был большой шишкой в Остине и вряд ли обрадовался, узнав себя в образе безжалостного молодого прокурора, готового ради карьеры на все, даже на приговор невиновному. Но ведь именно так Руп и поступил. И принялся вынюхивать местожительство Дейла.

Несколько недель назад Дейлу позвонил Дональд Хеймейкер, его старый приятель и коллега, все еще сохранивший связи в полицейском управлении Остина, один из немногих, с кем Дейл все еще поддерживал отношения. Звонок имел место вскоре после того, как выяснилась личность автора, скрывавшегося под псевдонимом Т. Дж. Дэвид.

– Дейл, ты слышал об этой книжке? – спросил Дональд после обмена банальностями.

Пояснять, какая именно книга имелась в виду, необходимости не было. Дейл ответил, что да, «Петлю желания» Беллами Прайс он читал.

– Я тоже, – чуть сконфуженно признался Хеймейкер. – Похоже, в этой стране все прочитали ее. Включая и Рупа Кольера. Знаешь, Дейл, этот тип недавно звонил мне. Заливался соловьем минут десять, затем небрежно – я бы сказал, даже слишком небрежно, – поинтересовался у меня, знаю ли я, где ты живешь и как с тобой связаться.

– Надеюсь, тебе хватило ума не давать ему мой номер телефона?

– Спрашиваешь! Но как ты думаешь, что этому сукину сыну понадобилось, когда прошло столько лет? По-моему, это как-то связано с книгой. А ты как думаешь?

Именно так Дейл и подумал. Скорее всего, чертова книжка заставила Рупа здорово струхнуть. Он возненавидел и ее, и поднятую вокруг нее шумиху, пожалуй, даже больше, чем он сам, Дейл Муди.

Беллами Листон Прайс, эта простая застенчивая голенастая девчушка, подняла своей книжкой сильную волну. Похоже, она станет последней соломинкой в жалкой жизни Дейла Муди.

Дейл одним глотком допил виски, бросил на крыльцо окурок и, держа в руке пистолет, поклялся каждой разлагающейся клеточкой своего тела, что прежде, чем пробьет его смертный час, он успеет со стопроцентной уверенностью сказать, что наконец помог осудить настоящего преступника.

Глава 7

– Я был первым, – с нажимом повторил Дент.

Он несколько секунд выдерживал ее взгляд, затем чертыхнулся себе под нос, встал и принялся расхаживать по кухне. Стукнув в сердцах кулаком по ящику с нераспакованными вещами, он наконец остановился у кухонной раковины, где, сунув руки в задние карманы джинсов, посмотрел в окно во двор.

– На крыльце разбитый цветочный горшок, – сообщил он. – Я обнаружил его вчера вечером.

– И пришли при виде его в ужас.

– Нет, это всего цветочный горшок. Я перешагнул через осколки.

– Я имела в виду другое: каково это – попасть под подозрение.

Дент посмотрел на нее через плечо:

– Это я знаю по личному опыту.

– Неужели?

Уловив в ее голосе нотку сомнения, он снова повернулся к окну, вытащил руки из карманов и взялся за края раковины.

– Вас когда-нибудь допрашивала полиция?

– Только когда останавливала за превышение скорости, а так нет, ни разу.

– В таких случаях всегда чувствуешь себя виноватым, хотя это не так. Чувство вины и одиночество – два самых неприятных ощущения.

– Ваш отец...

– Ему было на меня наплевать, он даже не пошел со мной в полицейский участок.

– Зато на вашей стороне был Голл Хэтэуэй.

– Полицейские допрашивали нас по отдельности. На моем первом допросе его не было.

– Насколько мне помнится, он нанял вам адвоката.

– Это произошло чуть позже. Голл не сразу понял, что мне понадобится адвокат. На первых двух допросах я был один.

– На вас сильно давили?

– Можно сказать и так. Он был уверен, что это я убил вашу сестру.

– Вы имеете в виду детектива?

– Да, Дейла Муди. В своей книге вы назвали его Монро, но на самом деле его звали Дейл Муди. Как только он узнал от ваших родителей – которые тоже считали убийцей меня, – мое имя, то заявился ко мне домой. Разбудил меня и моего старика и спросил, можно ли поговорить со мной о Сьюзен. Правда, я бы не сказал, что он обратился ко мне именно с такой вежливой просьбой. До этого я даже не знал, что ее убили. Я узнал это от него, когда он начал выжимать из меня признание.

– На что это похоже, когда из тебя выжимают признания?

Дент перешел от окна к холодильнику и достал из него кувшин с холодным чаем. Подойдя к столу, наклонил кувшин над ее стаканом. Беллами отрицательно покачала головой. Дент решил не настаивать и, снова наполнив свой стакан, сел напротив. Однако вместо того, чтобы сделать глоток чая, потер пальцами стенки стакана.

– Дент!

– Что?

– Я задала вам вопрос.

– Я слышал.

– Как вы себя чувствовали?

– А вы как думаете? Дерьмово себя чувствовал. Точнее не скажешь.

– Я так не думаю.

– Почему же?

– Потому что я предлагаю вам дать выход всему, что накопилось в душе, и мне кажется, что вам хочется того же самого.

– Спустя столько времени? Поздновато.

– Вчера вы сказали, что это было не так уж давно.

Он отнял руки от стакана и, вытерев их о джинсы, хмуро посмотрел на Беллами, однако та спокойно выдержала его взгляд.

Дент одними губами чертыхнулся и сказал:

– Девушка, с которой у меня еще два дня назад были прекрасные отношения, теперь лежала на столе в окружном морге. От такого у любого крыша поедет, вам не кажется?

– Пожалуй, я соглашусь с вами.

– Я был уверен, что Сьюзен погибла во время торнадо, но тут легавые начали выпрашивать меня о том, из-за чего мы поссорились, когда я в последний раз видел ее и где был, когда ее задушили. – Заметив гримасу на лице Беллами, он добавил: – Вот-вот. Именно так я себя и чувствовал.

– Я пыталась описать в своей книге этот внутренний конфликт.

– Вы очень правдиво удался этот эпизод, хотя вы забыли упомянуть моего старика.

– Я не стала писать о нем, потому что мне был непонятен его характер.

Дент сухо усмехнулся:

– Вот и со мной то же самое. Я жил с ним бок о бок, и мне он тоже был непонятен. По большому счету, его трудно даже назвать отцом. Скорее, он был призраком.

Беллами поразила эта странная фраза.

– Что вы имеете в виду?

– А почему вы спрашиваете? Вы что, собираетесь писать новую книгу?

Беллами шлепнула ладонью по столу и быстро встала.

– Отлично, не надо ничего объяснять. Это вы предложили пройтись по тропе воспоминаний, а не я. Занимайтесь этим в одиночку, если хотите.

С этими словами она шагнула вперед, но Дент одной рукой обхватил ее за талию и прижал к себе.

Прикосновение их тел испугало ее. У нее даже перехватило дыхание. Они несколько секунд стояли неподвижно, затем Дент медленно отпустил руку.

– Сядьте, – тихо произнес он.

Беллами сглотнула застрявший в горле комок, радуясь тому, что снова может дышать.

– Вы намерены и дальше вести себя как мальчишка?

– Посмотрим. Вы же сами хотели это услышать.

Дент кивком велел ей сесть на стул.

Беллами вернулась на свое место, села, положила руки на колени и вопросительно посмотрела на него.

– Ну? Спрашивайте! – произнес он спустя мгновение и пожал плечами.

– Мне что, все из вас клещами вытаскивать? Добровольно говорить вы отказываетесь?

– А что бы вы хотели узнать?

– Что случилось с вашей матерью?

Вопрос застал Дента врасплох. Беллами же обрадовалась, что на этот раз душевное равновесие изменило ему, а не ей. Дент отвел взгляд, принял более удобную позу и как-то беззащитно повел плечами:

– Мне говорили, будто она умерла, когда я был младенцем.

Беллами продолжала пристально смотреть ему в глаза, и в ее взгляде читался десяток невысказанных вопросов.

– Я никогда не видел свидетельства о ее смерти, – наконец произнес Дент. – Мой старик никогда не водил меня на ее могилу. Мы никогда не праздновали ее день рождения и не вспоминали день смерти. Я ничего не знал о ее родителях. Их как будто никогда не существовало. Я даже не знаю, как она выглядела, потому что мне никогда не показывали ее фотографий. Фотографий тоже как будто никогда не существовало. У меня есть подозрение, что она просто ушла от него, бросив меня на его попечение. Ушла. Исчезла. Сбежала. Он же так и не нашел в себе мужества рассказать мне правду.

– Возможно, он так и не смирился с этим.

– Не знаю. Для меня это остается неразгаданной тайной. Когда бы я ни спрашивал о ней отца, он неизменно отвечал: «Она умерла». На этом все разговоры заканчивались.

– Значит, вы остались вдвоем?

– Да, но в этой жизни не было ничего хорошего.

– Вы говорите о нем в прошедшем времени. Он жив?

– Нет, – ответил Дент и, немного помолчав, горько добавил: – Я бы не назвал это жизнью.

– Он был призраком, – сказала Беллами, употребив слово, которое он произнес чуть раньше.

– Знаете, наверное, я неудачно выразился. Потому что он все-таки существовал. Он не был призраком. Его просто не было в моей жизни. Хотя он давал мне все необходимое. Давал крышу над головой, еду, одежду. Он видел, что я каждый день хожу в школу.

Дент нахмурился:

– Но он ни разу не пришел в школу, ни на один школьный праздник. Никогда не знакомился с моими друзьями. Никогда не приходил смотреть, как я играю в спортивные игры. Просто механически выполнял родительский долг. Только и всего. Он функционировал. Он не увлекался ни спортом, ни женщинами, ни религией, ни садоводством, ни собиранием марок или плетением корзин из лозы. Он не пил и не курил. Все его разговоры сводились к двум-трем фразам, в том числе и в общении со мной. Он каждый день уходил на работу, вечером возвращался домой, готовил ужин, несколько часов смотрел телевизор, затем уходил в спальню и закрывал за собой дверь. Он никогда не брал отпуск, никогда никуда не ездил. Никогда не ходил в кино, на стадион или в бассейн. – Дент помолчал и глубоко вздохнул: – Мы с ним никогда ничего не делали вместе.

Я рос непослушным, совершал дурные поступки, чтобы посмотреть, как он отреагирует, увидеть, какое выражение появится на его лице. Мое поведение и мои выходки его абсолютно не волновали. Как, впрочем, и мои добрые дела. Ему было на все наплевать. Равнодушный сукин сын – это все, что я могу о нем сказать. Он умер, и загадка осталась неразгаданной. Впрочем, она давно мне неинтересна. Знаю о нем лишь то, что он отгородился от окружающего мира.

– В том числе и от вас.

– Какая разница, – пожал плечами Дент.

Беллами с трудом верилось в такое обоюдное безразличие. Скорее всего, Дент притворялся, решила она. Тем не менее она не стала подвергать сомнению его слова.

– Когда вы познакомились с мистером Хэтэузем?

– Он терпеть не может, когда его так называют.

– Ну хорошо. Когда вы познакомились с Голлом?

– Мне было лет двенадцать-тринадцать. Как-то раз после школы я не захотел сразу возвращаться домой и решил покататься на велосипеде. Просто так, поехал куда глаза глядят. Лишь бы не домой. Отъехав довольно далеко, я заметил в небе самолет. Он то снижался, исчезая из вида на несколько секунд, то вновь взлетал над линией горизонта. Я покатиł вслед за ним и вскоре оказался на аэродроме Голла. Сам он как раз объяснял какому-то парню, как

управлять самолетом. Они отрабатывали взлет и посадку. Знали бы вы, как я завидовал им. Я был готов отдать все на свете, чтобы тоже подняться в небо.

– Любовь с первого взгляда?

Дент шутливо ткнул в ее сторону пальцем, изображая выстрел из пистолета.

– Попали в яблочко, уважаемый автор. Вы ведь писательница, в конце концов.

– В тот день вы влюбились в полеты.

– Именно. По уши влюбился. Я застыл на месте и принялся наблюдать, как они идут на посадку. Тот парень, который брал уроки у Голла, уехал. Голл заметил меня и позвал в ангар. Я решил, что он сейчас взгреет меня за то, что я без спроса сунулся на его аэродром, и прогонит ко всем чертям. Вместо этого он угостил меня газировкой. Он также спросил, нравятся ли мне самолеты, и я ответил, что нравятся, хотя до того дня никогда даже не думал о них. Тогда Голл показал мне на самолет и спросил, летал ли я на таком. Я ни на каком не летал, но я солгал ему.

Он показал мне отдельные части самолета и объяснил, как они называются. Затем решил мне сесть на пилотское сиденье и рассказал, для чего нужны измерительные приборы. Я спросил его, трудно ли управлять таким самолетом. Голл посмотрел на меня и рассмеялся: «Если было бы трудно, разве я летал бы на нем?»

Затем он задал другой вопрос: хочу ли я подняться в небо? Я чуть не описался от восторга. Тогда Голл спросил, не будут ли возражать мои родители, и я ответил, что не будут. Это была чистая правда. Мы с ним заняли места в пилотской кабине, Голл поднял машину в воздух, и мы полетели в сторону заката. Он описал большой круг, и минут через пять мы вернулись на аэродром. Это были лучшие минуты в моей жизни.

Дент улыбнулся воспоминаниям и, задумавшись, какое-то время молчал, прежде чем заговорить снова:

– Голл разрешил мне после посадки закрепить шасси. Когда мы закончили работу, уже стемнело. Я сел на велосипед, чтобы поехать домой, и он спросил меня, где я живу. Когда я ответил ему, он удивился: «Так далеко? Господи, да у тебя на твоём велосипеде нет даже фары. Как же ты доберешься до дома?» Я ответил ему, кажется, так: «Но ведь добрался же я до аэродрома, верно?»

Тогда он назвал меня придурком, завел свой пикап и ехал рядом со мной, освещая мне путь фарами. Это был первый раз в моей жизни, когда...

Дент не договорил, и Беллами вопросительно посмотрела на него.

– Первый раз?

Дент отвел глаза в сторону.

– Первый раз, когда кто-то проявил ко мне участие.

И Беллами поняла: в тот день Дент не просто влюбился в авиацию. Он полюбил Голла, который обратил на него внимание, по-человечески отнесся к нему, поговорил как с равным и проявил искреннюю заботу. Вместе с тем она поняла и другое: мужчина, в которого превратился тот никому не нужный подросток, вряд ли захочет и дальше говорить на эту тему, и поэтому предпочла вернуть разговор в прежнее русло:

– Детектив Муди принялся на вас давить.

Вырванный из ностальгических воспоминаний, Дент нахмурился:

– Именно. Я устал повторять, что в тот день мы с Голлом занимались самолетом и меня не было на пикнике. Я появился в парке лишь после торнадо.

– А зачем вообще вы пришли в парк?

– В тот день во всей округе были грозы, и мы с Голлом были вынуждены вернуться раньше графика. И я решил, что раз уж освободился раньше, то почему бы не попытаться выяснить отношения со Сьюзен. Хотя, будь у меня выбор, я бы предпочел остаться в небе. Минута в воздухе не шла ни в какое сравнение с минутой на земле.

– Даже лучше минут, проведенных со Сьюзен?
– Это трудный выбор, – усмехнулся Дент.
– Она дарила вам тот же кайф, что и полет на самолете?
– Сьюзен... нет. Секс... гм. Хотя это близкие понятия.
– Вы помните, когда вы пришли в парк?
– Дайте вспомнить. – Дент положил руки на стол и подался вперед: – Слушайте, давайте еще поговорим на другую тему.

– Какую?
– Секс и полеты. Секс и все прочее. Секс и, скажем, написание книг. – Его взгляд переместился на губы Беллами. – Будь у вас выбор, чем бы вы сейчас занялись?
– Вы заигрываете со мной?
– А вы как думаете?

Беллами поняла, что краснеет. Интересно, Дент заметил? Ей не хотелось бы. Увы, улыбка Дента была такой коварной и соблазнительной, что Беллами как будто вновь превратилась в застенчивую, закомплексованную, не уверенную в себе двенадцатилетнюю девочку.

– Это вряд ли пойдет вам на пользу, – ответила она. – Даже будь я готова сравнить секс с моей профессией, я бы не хотела, чтобы меня сравнивали с моей сестрой.

Улыбка разом слетела с лица Дента, и он вновь посмотрел ей в глаза:

– Я бы не стал этого делать.
– Стали бы.
– Нет, не стал. В любом случае я даже не помню, что чувствовал, когда бывал с ней.
– Потому что после Сьюзен у вас было слишком много других девушек?
– Знаете, я холостяк со здоровым сексуальным аппетитом. Я сразу говорю женщинам, с которыми сплю, что в свою постель силой никого не загоняю. Мы помогаем друг другу регулировать наш гормональный уровень, а потом каждый живет своей жизнью, без всяких обид и претензий.

– Вы уверены? Вы когда-нибудь спрашивали их мнение?

Дент медленно опустился на стул и, секунду помолчав, сказал:

– Давайте договоримся. Так и быть, я расскажу вам о своей сексуальной жизни, но при одном условии: вы признаетесь мне, почему развелись.

Дабы не попасть в расставленные им сети, Беллами вновь перевела разговор в нужное ей русло:

– И все же, в котором часу вы оказались в парке?

– Дайте вспомнить, – усмехнулся ее собеседник. – В котором часу я оказался в парке? Не знаю. Я и Дейлу Муди точно не смог сказать, во сколько, и, по его мнению, это ставило под сомнение мою невиновность. По пути туда я увидел воронку смерча. И понял, что парк непременно окажется у него на пути. Когда я там оказался, там уже творился кромешный ад.

Это было похоже... Вообще-то, вы сами знаете, на что это было похоже. Люди кричали, как безумные. Многие были ранены. Истерика. Паника. Шок. Как на войне. Такой ужас я видел впервые.

– Вы были на войне?

– Служил в авиации. В Ираке. Нашу базу как-то обстреляли из ракет. Этим негодяям повезло. Часть их ракет попала точно в цель. Тем из нас, кому повезло остаться в живых, пришлось... пришлось убирать останки погибших. – Лицо Дента приняло суровое выражение. – Война с воздуха, когда летишь в нескольких километрах над землей, выглядит совсем не так, чем когда тебе приходится собирать то, что осталось от твоего товарища, члена твоего экипажа.

Дент потянулся за стаканом и сделал глоток. Теперь они избегали смотреть друг на друга и какое-то время молчали. Первой заговорила Беллами, задав вопрос о том, что он увидел после торнадо.

– Вашего отца. Он бежал и вопил, как ненормальный. Сложив руки рупором, звал вас, своих детей. Первым на зов откликнулся Стивен. Он был похож на зомби, да и вел себя как живой мертвец. Говард схватил его за шкурку и встряхнул, чтобы он пришел в себя. После этого появилась Оливия.

Она была... Это был первый и последний раз, когда я видел, что такое женская истерика. Она бросилась к Стивену и обняла его так крепко, как будто не желала никогда и никуда его отпускать. Ваш отец прижимал к себе их обоих. Ваши родители плакали от счастья: ведь их сын оказался жив и здоров. Но их радость была недолгой. Вскоре до них дошло, что вас с сестрой нигде нет.

И тут они увидели меня. Оливия сразу бросилась ко мне. Видел ли я Сьюзен? Где она? Она кричала мне в лицо какую-то чушь, винила меня, что я потерял Сьюзен, что это я виноват, что ее нигде нет. Короче, обвиняла во всех смертных грехах.

– Полагаю, она была вне себя от горя.

Дент какое-то время сидел молча, глядя куда-то в пространство.

– Наверное. Но позднее, когда тело Сьюзен нашли, я задумался над ее словами. По-своему она была права. Будь я, как и собирался, в тот день со Сьюзен, она бы не отправилась в лес с Аланом Стриклендом. Она могла бы получить увечья или даже погибнуть, но по крайней мере не стала бы жертвой убийцы, задушившего ее.

– Мне кажется, и вы, и я оба терзались чувством вины за то, что мы живы, а она нет.

– Пожалуй. Но я не признался бы в этом Дейлу Муди. Он бы истолковал такое признание на свой лад. С меня хватило того, что я находился в двадцати-тридцати метрах от тела Сьюзен, когда его нашел пожарный. Я вместе с пожарными прочесывал лес. Кроме меня, там был еще с десяток людей, но только я попал под подозрение. Только я один. Муди договорился до того, что заявил, будто я вернулся на место преступления, как обычно поступают убийцы. Это надо сморозить такую чушь, – добавил Дент, немного помолчав. – В любом случае, когда я понял, что Сьюзен мертва, а не просто потеряла сознание, меня вырвало. Потом я отправился на поиски ее родителей, но, когда нашел их, жутко перетрусил. У меня язык не повернулся сказать им правду. Я лишь махнул рукой в направлении того места, где ее обнаружили.

Дент замолчал, и, когда стало ясно, что говорить дальше он не намерен, Беллами решила уточнить:

– И что же было дальше?

– Ничего. Я был потрясен тем, что моя девушка мертва, но знал, что ваши родители не захотят слышать моих соболезнований. Они вообще не пожелают со мной общаться. Поэтому я отправился домой и завалился спать.

На следующее утро пришел Муди. Остальное вы уже знаете. Он уже успел поговорить с вашими родителями и вбил себе в голову, будто убийца Сьюзен – это я. У него не было никаких доказательств моей вины, никаких вещдоков, никаких улик, но со мной стали обращаться как с преступником. Несколько недель мое имя гремело в заголовках газет и в вечерних выпусках теленовостей. Я стал «подозреваемым в убийстве Сьюзен Листон». Черт побери, я даже не смог прийти на ее похороны! Опасался, как бы надо мной не устроили суд Линча. – Пальцы Дента машинально сжались в кулак, и он со злостью стукнул по столешнице. – И это, мать их так, продолжалось до тех пор, пока Алана Стрикленда не посадили за решетку, – со злостью добавил он. – Знаете, уважаемый автор, как это бывает?

Даже если с вас официально сняты все подозрения, пятна на вашей репутации вам уже не смыть. Оно, как зловоние, пропитывает вас, и от него никогда не отмыться. Люди

вынуждены принять факт вашей невиновности, но сомнения все равно остаются, и от них никогда не избавиться.

Я понял это во время расследования Национального совета по безопасности на транспорте. Какой-то умник вытащил на свет божий старые газетные вырезки обо мне и развесил их по всей конторе. И что же? Руководство авиакомпании устыдилось, что я в ней работаю. Ведь для него это черный пиар – иметь в штате человека, который когда-то проходил подозреваемым в деле об убийстве.

Беллами стало неуютно под его неприязненным взглядом, но она была вынуждена признать его правоту:

– Простите, Дент.

– Вы не могли бы уточнить, за что просите прощения? За ту старую кучу дерьма, в которую я когда-то вляпался, или за свежую, в которую мне еще предстоит вступить? Неужели вы заранее извиняетесь за то, что завтра во все киоски поступит газетенка ван Дарбина и моя скромная персона вновь окажется в центре внимания?

– С чего вы это решили?

– Вы еще спрашиваете? Прежде чем тиснуть свою мерзкую статейку, ван Дарбин обязательно наведет справки, что это за «ковбой», с которым он вас видел. И уж точно обделается от счастья, когда узнает, что я не кто иной, как «бывший главный подозреваемый».

– С которого в свое время сняли обвинения.

– Может, так было в вашей книге, но не в реальной жизни.

– Но ведь Голл подтвердил ваше алиби, доказав тем самым вашу невиновность!

– Муди был уверен, что Голл солгал.

– И тем не менее он не стал заводить на вас дело.

– Верно. Но меня спасло лишь то, что у меня не нашли трусики Сьюзен.

Глава 8

Руп Кольер посмотрел на свое отражение в огромном, во весь рост, зеркале, привинченном к внутренней стороне двери его кабинета. Пытаясь замаскировать плешь на макушке, он пригладил неумолимо редеющие волосы. Поправил на манжетах золотые запонки с бриллиантами, так, чтобы был виден их блеск. Широко улыбнулся, проверяя, не остались ли на вставных зубах частички пищи. Похоже, что нет, и Руп, расправив плечи, с довольным видом вышел из кабинета.

Вскоре он уже входил в автосалон, где с умом расставленные софиты высвечивали новенькие, только что с конвейера, автомобили. Обычно он редко появлялся на первом этаже, но один из продавцов сообщил ему, что некий клиент настаивает на встрече с «самым главным человеком в фирме». Руп как раз и был таковым.

Покупатель, на которого указал ему продавец, стоял возле одной из машин и, нагнувшись, пытался заглянуть сквозь затемненное стекло – тонирование делалось за отдельную плату – в роскошный салон дорогого седана.

– Меня зовут Руп Кольер. С кем имею честь?

Покупатель выпрямился и, улыбнувшись в ответ, пожал протянутую руку. Руп остался доволен: его запонки не остались незамеченными. Покупатель был довольно скромно одет и отнюдь не такой холеный, как он сам, что Рупу сразу понравилось. Когда дело доходило до обсуждения цены, это давало ему солидное преимущество.

Наконец незнакомец отпустил его руку и указал на автомобиль:

– Насколько эта малышка способна облегчить мой кошелек?

– Она достойна каждого цента, указанного в ее цене, но я готов дать вам самую лучшую во всей стране скидку.

– Гарантия тридцать дней?

– На любую машину, стоящую здесь. Я отвечаю за свой товар.

– Продолжаете политику сервисного обслуживания покупателей, которую начал ваш отец сорок лет назад?

Улыбка Рупа сделалась еще шире:

– Вы хорошо информированы.

– Вашу рекламу без конца крутят по телевизору.

– Я верю в действенность телерекламы. Великая вещь!

С этими словами Руп легонько хлопнул незнакомца по плечу.

– Я тоже в нее верю, мистер Кольер. Мы с вами сходимся в мыслях.

– Называйте меня просто Руп.

– Рад познакомиться с вами, Руп. Мое имя Рокки ван Дарбин.

Желудок Рупа тотчас скрутило узлом.

Выудив из нагрудного кармана спортивной куртки визитную карточку, репортер известного таблоида передал ее Кольеру. Стоило Рупу услышать это имя, как он понял, что угодил в хитроумно расставленную ловушку. Тем не менее он сделал вид, будто читает имя на карточке.

– Нью-Йорк? К нам редко заглядывают покупатели из вашего города. Для меня это великая честь. – Кольер с максимальной небрежностью, на какую только был в данный момент способен, сунул визитку в карман. – Если вы, мистер ван Дарбин, серьезно намерены приобрести новый автомобиль, то вам нигде не предложат ничего лучшего...

– Нет-нет, благодарю вас, я просто присматривался.

– Конечно, конечно, – нарочито вежливо произнес Руп. – Оставайтесь здесь столько, сколько хотите. Боб, продавец нашего салона, с удовольствием ответит на интересующие вас вопросы. Прошу извинить меня. К сожалению, мне пора. Сами понимаете, важная встреча.

– Такое я часто слышу, – рассмеялся в ответ ван Дарбин и презрительно сощурился: – От тех, кто боится разговаривать со мной.

Фактически он назвал Рупа Кольера трусом, и Руп воспринял это оскорбление близко к сердцу. С каким удовольствием он схватил бы мерзкого репортеришку за шею и тряс его до тех пор, пока мозги не полезут из ушей. Однако не зря он подолгу репетировал каждое утро свою фирменную улыбку. Та осталась на своем месте.

– Люблю общаться с людьми из «Большого яблока», но, увы, не могу уделить вам время, ибо меня уже ждут. Если хотите, давайте договоримся о встрече...

Ван Дарбин не дал ему договорить:

– Знаете, Руп, есть одна проблема. Мне тоже еще нужно успеть в одно место. Тем более, – он фамильярно шлепнул Рупа по плечу – как тот его самого всего пару минут назад, – что мы с вами договорились о продаже. Сможете уделить мне еще несколько минут вашего драгоценного времени? Что скажете?

Вторая улыбка далась Рупу с большим трудом:

– Почему бы нам не поговорить в моем кабинете?

– Отлично! Благодарю вас.

Стараясь шагать как можно более непринужденно, чтобы продемонстрировать ван Дарбину свое спокойствие, Руп повел журналиста к себе в кабинет. Хотя, если сказать честно, до спокойствия ему было далеко.

Войдя в «святилище» Рупа Кольера, незванный гость тихонько присвистнул:

– Кр-р-расота! Торговля автомобилями, смею предположить, дело прибыльное.

– Не жалуюсь.

– Моя мать, да упокоит Господь ее душу, пыталась втолковать мне, что я выбрал неправильную профессию. «Журналистикой денег не заработаешь». Эти слова она повторила как минимум тысячу раз. В ответ на это я напоминал ей, что мистер Херст заработал на своем веку кучу денег. И Руперт Мердок. Но... – ван Дарбин глумливо вздохнул, – мамуля была права. Оказывается, есть исключения из правил.

Стараясь не показать раздражения, Кольер спросил:

– Чем могу быть полезен, мистер ван Дарбин?

Как оказалось, гость его не слушал. Внимание ван Дарбина было приковано к экземпляру «Петли желания» на его письменном столе. Кольер от злости стиснул зубы. Зря он не избавился от этой мерзкой книжонки, как только ее прочел. Или по крайней мере не нужно было оставлять ее на видном месте.

Ван Дарбин впился в книгу глазами и, взяв со стола, принялся листать.

– Значит, теперь эта местная дамочка взялась за сочинение книжек? И благодаря этому набивает себе карманы.

Руп, как прирожденный лицедей, всю жизнь использовал актерские качества к своей вышей выгоде. И надеялся, что и сегодня они его не подведут. Даже наоборот, сослужат добрую службу. Он обошел письменный стол и, опустившись в кресло, жестом предложил сесть и ван Дарбину. Тот занял место напротив него.

– Я моментально заподозрил, что вы прилетели сюда из Нью-Йорка не для того, чтобы говорить об автомобилях. Вас привела сюда эта книга. Сделаю еще один шаг навстречу и осмелюсь предположить, что вам известно, что я когда-то занимался делом об убийстве Сьюзен Листон. Вы наверняка хотите задать мне вопросы об этом расследовании.

Ван Дарбин лишь развел руками:

– Вы, так сказать, поймали меня с поличным. Могу я начать с вопроса об обвинении, выдвинутом против Алана Стрикленда? В моей завтрашней колонке я собираюсь написать именно о нем.

Руп Кольер почувствовал, как к горлу подступила желчь, однако вновь расцвел в фальшивой улыбке:

– Это было так давно! Тем не менее попытаюсь что-нибудь вспомнить.

– Благодарю вас, Руп. – Ван Дарбин извлек небольшой блокнот с пружинкой и желтый карандаш с отметинами зубов на тупом конце. – Не обращайтесь внимания. Мне придется делать записи, иначе я забуду самое главное.

Руп Кольер позволил себе усомниться: вряд ли такой ублюдок что-нибудь когда-нибудь забывает. Этот тип был коварен, а значит, опасен. Может, стоит позвонить охранникам, чтобы те выставили эту акулу пера из его кабинета? Нет, лучше не надо, в итоге решил Руп. Ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Стоит хотя бы разок показать свои истинные чувства, как ван Дарбин распишет скандал во всех красках.

Нет, лучше избрать другую тактику: пойти на сотрудничество, не возражать, сообщить наглому писаке пару-тройку жареных фактов в надежде на то, что в своих статьях он представит Рупа Кольера в выгодном свете. И Руп попытался польстить журналисту:

– Можете назвать меня читателем журналов и газет. Я с радостью отвечу на ваши вопросы. Если, конечно, смогу. Спрашивайте!

– Отлично! Давайте начнем с того, почему вы оставили прокурорский пост?

– Ответ прост. Торговля автомобилями приносит больше денег. Намного больше. Кабинет прокурора никогда не выглядел бы так кр-р-расиво, как этот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.